

Болгарская академия наук
Институт болгарского языка
им. проф. Любомира Андрейчина
Секция истории болгарского языка

БРАГА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

**ОДЕССКИЕ ДАМАСКИНЫ ИЗ СОБРАНИЯ В. И. ГРИГОРОВИЧА –
ЧАСТЬ БОЛГАРСКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**

ПАЛЕОГРАФИЯ. КОДИКОЛОГИЯ. ДАТИРОВКА

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации для присуждения
образовательной и научной степени „доктор“**

Область высшего образования: 2. Гуманитарные науки
Профессиональная сфера: 2.1 Филология
Специальность: Болгарский язык /История болгарского языка

**Научный консультант:
профессор д-р ЕЛКА МИРЧЕВА**

София 2022

ДАННЫЕ О ДИССЕРТАЦИОННОМ ТРУДЕ

Диссертация обсуждалась на расширенном заседании Секции по истории болгарского языка Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина при БАН 13 июня 2022 г. и направлена на защиту Протоколом № 13 от 29.06.2022 г. Ученым советом Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина при БАН.

Докторантка работает в Институте болгарского языка

Диссертационный труд содержит 305 страниц и включает: введение, четыре главы, заключение, за которыми следуют справка о научном вкладе исследования, публикации по теме диссертации, список сокращений, библиография (489 наименований, 27 электронных источника) и приложения.

Состав научного жюри:

доц. д-р Ваня Мичева – председатель
проф. дфн Анисава Милтенова
проф. дфн Христина Тончева-Тодорова
проф. д-р Маргарет Димитрова
доц. д-р Георги Митринов

Рецензенты:

проф. дфн Анисава Милтенова
доц. д-р Ваня Мичева

Защита диссертации состоится 16. 08. 2022 г. в 14. 00 ч. в зале „Акад. Александър Теодоров-Балан“ (Большой салон) Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчин“ – БАН, бул. „Шипченски проход“, № 52, корп. 17.

Материалы по защите доступны для ознакомления в библиотеке Института болгарского языка.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ТРУДА

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕМЫ
2. МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ТЕМЫ
3. АКТУАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
4. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ДИССЕРТАЦИИ
5. ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ
6. МЕТОДОЛОГИЯ И КОМПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА КНИЖНОСТИ В БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI–XVIII ВВ.

- 1.1. БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КНИЖНОСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
- 1.2. ДАМАСКИНЫ - НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР. БОЛГАРСКИЙ ПЕРЕВОД „СОКРОВИЩА“ ДАМАСКИНА СТУДИТА
- 1.3. КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ БОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ XVII – XVIII ВВ. ДАМАСКИНЫ И СБОРНИКИ СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ
- 1.4. НОВОБОЛГАРСКИЕ ДАМАСКИНЫ XVII – XVIII ВЕКОВ. КНИЖНЫЙ ЯЗЫК НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ (КЯНО)
- 1.5. ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДАМАСКИНОВ
- 1.6. ПЕРИОДИЗАЦИЯ НОВОБОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НАЧАЛО СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
- 1.7. КЛАССИФИКАЦИИ ДАМАСКИНОВ. МЕСТО ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ В ЭТИХ КЛАССИФИКАЦИЯХ

ГЛАВА II. НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. И. ГРИГОРОВИЧА В РАЗВИТИЕ БОЛГАРИСТИКИ, СЛАВИСТИКИ И СОХРАНЕНИЕ БОЛГАРСКОГО КНИЖНОГО НАСЛЕДИЯ

- 2.1. „ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ“. ВКЛАД В. И. ГРИГОРОВИЧА В СОХРАНЕНИЕ БОЛГАРСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
- 2.2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ В „ОЧЕРКЕ“ В. ГРИГОРОВИЧА

ГЛАВА III. ОДЕССКИЕ ДАМАСКИНЫ. ПАЛЕОГРАФИЯ. КОДИКОЛОГИЯ. ДАТИРОВКА

3.1. ОДЕССКИЕ ДАМАСКИНЫ – ОБЗОР ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И УПОМИНАНИЯ В НАУЧНОЙ ПРЕССЕ

3.2. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ И КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

Рукопись на новоболгарскомъ языкѣ. № 62 – Одесский дамаскин № 36 (62)

Рукопись на новоболгарскомъ языкѣ. № 63 – Одесский дамаскин № 37 (63)

Рукопись на новоболгарскомъ языкѣ, Переводъ съ греческаго Йосифа Брадатого.

№ 64 – Одесский дамаскин № 38 (64)

Рукопись новоболгарская. № 65 – Одесский дамаскин № 39 (65)

ГЛАВА IV. К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

4. 1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

4. 1. 1. ДОМАШНЯЯ ЛЕКСИКА В ОДЕССКИХ ДАМАСКИНАХ

ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ЛЕКСИКЕ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

4. 1. 2. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ОДЕССКИХ ДАМАСКИНАХ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ОСМАНСКОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

ГРЕЧЕСКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

4. 2. ПРИПИСКИ И ЗАПИСИ В ОДЕССКИХ ДАМАСКИНАХ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

СПРАВКА О НАУЧНОМ ВКЛАДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ТРУДА

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРА. ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ТРУДА

Представленный диссертационный труд – первое в своем роде комплексное историко-лингвистическое и культурологическое исследование, посвященное описанию **ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ** из собрания В. И. Григоровича. Это давно известные дамаскинские рукописи, которые ранее не были предметом специальных научных исследований.

Начальная точка исследования была поставлена в 2002 году, когда после защиты магистерской работы, связанной с новоболгарским Тихонравовским дамаскином (Брага 2001; Брага 2002), обратила внимание на четыре рукописи из этого жанра. В диссертации представлены результаты многолетних исследований, которых нашли отражение в болгарских и зарубежных изданиях.

МОТИВЫ ВЫБОРА ТЕМЫ

Мотивы выбора темы диссертации связаны с тем, что в последние десятилетия в Болгарии значительно возрос интерес к возвращению болгарского историко-культурного наследия, частью которого являются рукописи. В силу ряда исторических событий, болгарский народ не смог сохранить часть своих литературных памятников, некоторые из них мы сегодня находим в европейских библиотеках и музеях г. Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, Любляны и других. Разбросанные по многим библиотекам, по разным описям более двух столетий, многие из рукописных памятников по этой причине до сих пор остаются неизвестными в научной литературе.

Это относится и к Одесским дамаскинам из собрания В. И. Григоровича, которые сохраняются за пределами Болгарии. Новоболгарские дамаскины были найдены украинским ученым-путешественником В. Григоровичем в XIX веке, однако, спустя более век, все еще не описаны и малоизвестны в научной традиции, они лишь эпизодически упоминаются в описаниях и некоторых исследованиях. Одесские дамаскины ранее не были предметом специального научного изучения, предлагаемая разработка – первый шаг в этом направлении.

Основным мотивом выбора темы диссертации является то, что описание Одесских дамаскинов и введение их в научный оборот предоставит новые данные о новоболгарских письменных памятниках, значительно расширит знания о дамаскинской литературе, поможет сохранить староболгарское культурно-историческое наследие. Кроме того, исследование станет небольшим, но значительным шагом к возвращению Одесских дамаскинов обратно в Болгарию. Важным аргументом в выборе этих сборников в качестве основного объекта настоящей работы является и тот факт, что Одесские дамаскины представляют собой письменные памятники, написанные на новоболгарском языке, который является первым опытом использования разговорного языка в литературных целях.

Наконец, что не менее важно, хотелось бы еще раз подчеркнуть важную роль и научный вклад проф. Виктора Григоровича в развитие болгаристики, славистики и сохранение болгарского литературного наследия.

АКТУАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подобное комплексное изучение Одесских дамаскинов в болгарской специализированной научной литературе ранее не проводилось. С этой точки зрения тема диссертационного труда является актуальной и предоставляет возможности для углубленного научного прочтения. Объектом изучения являются малоизвестные в болгарских научных кругах рукописные памятники. Письменные памятники упоминаются бегло в научной литературе, в которой присутствуют скорее в порядке перечисления дамаскинских рукописей. Это обосновывает полезность исследования и определяет его цель и задачи.

Уникальный состав Одесских дамаскинов и их сохранение в книгохранилище за пределами Болгарии требуют времени для идентификации текстов. Однако в последнее время Covid ситуация и политические события в Украине создали значительные трудности для работы с этими памятниками. В то же время я полагаю, что исследования Одесских дамаскинов значительно облегчат работу ученых в поиске конкретных произведений для сравнения и анализа. Все эти факторы обуславливают актуальность исследования для истории болгарского языка, литературы и культуры.

Настоящее исследование, первое в своем роде и объеме, средствами научного анализа призвано восполнить серьёзный пробел в знаниях об Одесских дамаскинах. Это позволит учёным более активно изучать дамаскинскую литературу. Многогранность настоящего исследования позволяет построить системную картину формирования книжного языка на народной основе в XVIII в.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являются рукописные сборники XVII – XVIII веков, написанные на новоболгарском языке. Рукописи относятся к сборникам, которые принято называть дамаскинами (Петканова 1965; Дёмина 1968–1985; Мирчева 2001).

«№ 62. Рукопись на новоболгарском языкѣ XVI века» – **Одесский дамаскин № 36 (62)**;

«№ 63. Рукопись на новоболгарском языкѣ XVI века» – **Одесский дамаскин № 37 (63)**;

«№ 64. Рукопись на новоболгарском языкѣ XVII века. Перевод с греческого Йосифа Брадатого» – **Одесский дамаскин № 38 (64)**;

«№ 65. Рукопись новоболгарская» XVIII век – **Одесский дамаскин № 39 (65)**.

Предметом настоящего исследования являются палеографические, кодикологические и лексические особенности рукописей.

Одесские дамаскины хранятся в Одесской национальной научной библиотеке (ОННБ). Они входят в состав уникального собрания рукописей и редких книг по славяноведению профессора В.И. Григоровича, т. наз. **собрание Григоровича**, которое ученый подарил Императорскому Новороссийскому университету ¹ еще при жизни. Книжный дар В. И. Григоровича некоторое время хранился в университетской библиотеке, позднее, в 1876 г., рукописное собрание было разделено на две части. Одна часть сегодня хранится в Москве (РГБ, фонд 87 ²), другая, в которой собраны рукописи более нового периода, остается в Одессе, сначала в НБОНУ, позже в Государственной научной библиотеке им. А. М. Горького, сегодня это ОННБ.

¹ <http://liber.onu.edu.ua/pdf/dariteli.pdf>

² <http://liber.onu.edu.ua/pdf/200/viktorov.pdf>

В настоящем исследовании воспринята традиция называть рукописные памятники по месту их хранения, как например, Люблянский, Ловечский, Свиштовский дамаскины. Таким образом, новоболгарские рукописи из собрания Григоровича — это Одесские дамаскины, названные по месту, где они хранятся в настоящее время — г. Одесса. С этим названием было предложено ввести памятники в научный оборот.

В. И. Григорович, описывая рукописи, привезенные из болгарских земель, дает рукописям отдельные номера: № 62; № 63; № 64; № 65. В описании В. Мочульского (Мочульский 1890) рукописи под №№ 36 (62), 37 (63), 38 (64), 39 (65). Их сегодняшние библиотечные шифры соответственно: 1/117, 1/114, 1/154, 1/123. Эти шифры, однако, неизвестны в научной литературе, поэтому в настоящей работе будем придерживаться сигнатур определенных самим В. И. Григоровичем, а позже и В. Мочульским — № 36 (62), № 37 (63), № 38 (64), № 39 (65).

Известно только одно описание рукописей, опубликованное В. Н. Мочульским (Мочульский 1890: 100–118), в котором содержатся сведения об этих дамаскинах. В описании Мочульского, сделанном в конце XIX века, сведения довольно скудны, также есть известные неточности в датировке. Конечно, сейчас, с развитием научных знаний о дамаскинах, совершенствуются и методы датировки. На основе научных наблюдений и методов научно-сопоставительного анализа уточнены некоторые данные об Одесских дамаскинах. На основании палеографических и кодикологических наблюдений представлены дополнительные аргументы в пользу высказанных в предыдущих научных работах гипотез о датировке и локализации двух Одесских дамаскинов.

Несомненно, дамаскины вообще и Одесские дамаскины, в частности, представляют собой новое явление в болгарской литературе. Они написаны на языке, альтернативном традиционному типу письменности, близком к разговорному языку, известном в науке под термином **книжный язык на народной основе** (КЯНО) (Дёмина 1968). Это делает Одесские дамаскины интересными для изучения, а также обуславливает предмет, цель, задачи и методы настоящего исследования.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная цель диссертации – проанализировать и систематизировать наиболее важные особенности Одесских дамаскинов с точки зрения исторической, филологической и искусствоведческой науки. Это позволит обозначить место рукописей в болгарской литературной и книжно-языковой традиции, а также определить их роль в историческом развитии болгарского языка, литературе и культуре эпохи Предвозрождения. Отсутствие исследований по этой теме вызывает необходимость изучения Одесских дамаскинов во всей полноте и объеме; определить ключевые вопросы, которые могут стать предметом других исследований и конкретных междисциплинарных исследований.

Ввиду незначительного количества существующих исследований выделяется несколько кругов исследования: палеографическое и кодикологическое описание, локализация, (пере)датировка, лексические особенности рукописей.

- ▶ Достижение поставленной цели сводится к решению следующих задач:
- изучить четыре дамаскина из собрания В.И. Григоровича и разработать полное и комплексное палеографическое и кодикологическое описание Одесских дамаскинов с целью введения в специальную научную литературу;
- сопоставить Одесские дамаскины с атрибутированными рукописями, с целью сравнить их содержание с другими известными науке, описанными и датированными памятниками. Это даст дополнительную информацию и позволит расширить знания о дамаскинской литературе;
- на основе анализа водяных знаков проверить первоначально высказанные гипотезы о времени создания рукописных сборников, это позволит получить дополнительные аргументы в пользу высказанных в предыдущих научных работах гипотез о датировке и локализации двух Одесских дамаскинов;
- изучить графические характеристики, тип письма, технику буквообразования в четырех Одесских дамаскинах с точки зрения орфографической практики, в контексте созданной в XVII веке дамаскинской литературы;

- на основании этих характеристик, а также на основании оформления рукописей подтвердить или опровергнуть гипотезу о каллиграфическо – художественной школе, в которой работали писцы, создававшие Одесские дамаскины;
- руководствуясь мнением ведущих специалистов при выборе сравнительного материала, акцент обоснованно делается на известные в науке, хорошо иллюстрированные и оформленные дамаскины. Сравнительный анализ элементов декора, орнаментов, графических характеристик известных науке дамаскинов и Одесских дамаскинов имеет целью подтвердить или опровергнуть гипотезы об авторстве анонимных переписчиков Одесских дамаскинов № 36 (62) и № 37 (63);
- путем сопоставления лексических данных четырех письменных источников XVII – XVIII вв., Одесских дамаскинов, наметить устойчивые тенденции языковой специфики дамаскинской литературы того периода;
- на основе анализа лексических особенностей текстов Одесских дамаскинов произвести функционально-стилистический анализ как литературно-языковой нормы, в рамках которой они осуществляются, так и территории, на которой они происходят;
- найти и проанализировать все приписки и записи копиистов, создававших Одесские дамаскины. Это записи могут указать на личность анонимных писцов, а также предоставить дополнительную информацию о материальных и духовных условиях жизни в то время;
- наметить перспективы будущих лингвистических исследований четырех новоболгарских дамаскинов с целью определения их места в дамаскинской традиции;

В связи с большим объемом поставленных в работе задач, нельзя претендовать на абсолютную полноту и завершенность. В рамки настоящего исследования не входят морфологические и синтаксические особенности рукописей, которые станут предметом других исследований.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для построения концепции диссертации были использованы различные современные методы, классификации и критерии описания, используемые в современных исследованиях. Это описательный, аналитический, статистический метод, а также метод сравнительно-исторического языкознания. К методам, использованным в работе, относятся также синтез, графо-лингвистический анализ, сравнительно-художественный анализ, а также метод исторического анализа. В процессе поиска наиболее оптимальных методов исследования вновь были затронуты еще нерешенные вопросы исследования рукописных памятников и их места в славянской письменности.

Изучены систематизированные электронные источники и справочная литература, которая включает:

- отбор и исследование источников, касающиеся проблематики исследования;
- поиск, извлечение, синтез и оценка информации из различных источников;
- подбор, анализ, классификация и систематизация информации;
- обоснованные и доказательно подтвержденные анализом данные в защиту научных гипотез, связанных с изучением рукописей;
- комбинирование различных подходов и моделей для анализа и представления данных;
- набор фрагментов текстов рукописных памятников в электронном виде.

Разработка сосредоточена в основном на палеографических, кодикологических и лексических особенностях Одесских дамаскинов. Объект, цели и задачи диссертации определили сочетание филологического анализа с литературоведческим и отчасти с искусствоведческим. В целом подход является междисциплинарным.

С точки зрения методологии и теоретической основы диссертационную разработку можно определить как историко-филологическое исследование с упором на палеографическое, кодикологическое и лексическое исследование. Результаты исследования могут расширить знания о дамаскинской литературе, а выводы - стать

основой для других сравнительных анализов. Таким образом, в диссертационном труде сочетаются лингвистический и историко-культурологический подход с акцентом на культурные аспекты эпохи создания болгарской дамаскинской книжности.

КОМПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная разработка содержит 305 страниц и состоит из введения, четырех отдельных глав, заключения, за которым следуют справка о научном вкладе диссертации, список сокращений, библиография с 489 заглавиями, в основном на болгарском, русском и украинском языках; греческом, чешском, сербском, французском и английском языках, 27 электронных источника, Приложение 1 (цветные иллюстрации с элементами декора рукописей), Приложение 2 (неопубликованные фрагменты из Одесских дамаскинов).

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА КНИЖНОСТИ В БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI–XVIII ВВ.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ представлены важные теоретические положения, связанные с феноменом дамаскины, которые включают обзор и публикации болгарских и зарубежных авторов, цель которых очертить дискуссионные вопросы вокруг новоболгарских дамаскинов, а также исторические предпосылки их возникновения. Сделан обзор ключевых аспектов изучения болгарских дамаскинов XVII – XVIII вв., основных вопросов, связанных с периодизацией новоболгарского литературного языка и началом современного болгарского литературного языка. Изучены классификации дамаскинов, сделана попытка определить место Одесских дамаскинов в этих исследованиях.

ДАМАСКИНЫ – НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР.

БОЛГАРСКИЙ ПЕРЕВОД „СОКРОВИЩА“ ДАМАСКИНА СТУДИТА

Болгарская дамаскинская литература XVII – XVIII вв. – это самобытное собственно болгарское явление. **Дамаскины** – большой пласт староболгарской литературы, жанр, возникший в конце XVI века в результате перевода сборника „Сокровище“ греческого автора Дамаскина Студита (σθησαυρός Δαμασκηνού Ὑποδιακόνου καί). Появление нового типа сборников – д а м а с к и н о в – знаменует собой начало нового, оригинального явления, как в болгарской литературе, так и в развитии болгарского литературного языка (Мирчева 2001).

Сборник «Сокровище» переводится на болгарский язык вскоре после публикации. Перевод сделан с одного из первых трех изданий 1557–58, 1561 или 1562 г. (Дёмина 1968: 42). Появление и широкое распространение этих сборников в болгарском обществе XVII – XVIII в. (и даже в нач. XIX в.) является частью европейских и балканских тенденции XVI – XVII вв. создавать доступную литературу, в том числе религиозную проповедь на разговорном, понятном языке (Дёмина 1985: 17-23).

Вероятно, в болгарском обществе этот тип литературы удовлетворяет потребность т. наз. третьего сословия в книгах на понятном языке, отвечает интересам не только духовенства, но и ремесленников и торговцев, которые приобретают все более значимую экономическую и социальную роль и, соответственно, имеют повышенные культурные потребности (Димитрова 2009: 729).

Так в первой половине XVII в. появляется и становится популярной нравственно-поучительная христианская литература, написанная на языке, близком к народному болгарскому языку. По стилю и посылу она понятна и доступна многим, в ней содержатся поучения, жизнеописания, апокрифы с относительно устойчивым составом (Димитрова 2009: 729), именуемые их создателями и учёными дамаскинами по имени греческого писателя Дамаскина Студита (Петканова 1965, Дёмина 1968: 9–11, 37; 42). Это новый момент в развитии макрожанра сборников, поскольку главной отличительной чертой дамаскинов является новый тип литературного языка, на котором они написаны (Мирчева 2001).

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ БОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ XVII – XVIII ДАМАСКИНЫ И СБОРНИКИ СМЕШАННОГО СОСТАВА

Дамаскинская литература привлекает внимание исследователей с середины XIX в. Существует множество исследований, в которых дамаскины анализированы как культурно-литературный и языковой феномен. Что касается языка и текстологии, дамаскины также присутствуют во многих исследованиях. Обзор работы включает публикации различных болгарских и европейских авторов, цель которых максимально очертить дискуссионные проблемы вокруг новоболгарских дамаскинов (Григорович 1848; 1880; Цонев 1894; Лавров 1899; 1904; Милетич 1908; 1923; Аргиров 1895; Мирчев 1958; Ангелов 1963; Петканова-Тотева 1965; Берщейн 1973; Куев 1983; Дёмина 1965; 1971; 1985; Милтенова 1980; 1986; Мирчева 1997; 2001; 2014; Митринов 2005; Димитрова 2009: 727–740; Мичева 2015; 2016; 2017; Младенова; Велчева 2013).

Все исследования и публикации, связанные с феноменом «дамаскин», приводят к выводу, что дамаскины являются связующим звеном между поздним Средневековьем и болгарским Возрождением. Сочетая в себе старое и новое, они являются

свидетельством преемственности и литературных традиций в истории болгарского языка. Деятельность дамаскинов с начала XVII века, развитая их последователями в конце XVII – начале XVIII века, представляет собой качественно новое явление, затрагивающее языковую ситуацию донационального периода.

Дамаскины – это в самом общем смысле представляют собой сборники, состав которых меняется в XVII в. и особенно в XVIII в., когда они включают все больше текстов, не принадлежащих Дамаскину Студиту. В связи с этим особенно важно определить критерии, по которым их следует отличать от других типов сборников и, в частности, от так называемых сборников смешанного состава. Е. И. Демина и А. Милтенова в своих исследованиях проводят четкое разграничение между «сборниками смешанного состава» и «дамаскинами».

В Т. 1 трёхтомного исследования и издания Тихонравовского дамаскина Е. И. Демина дает более узкое определение термина «дамаскин»: „Дамаскины – это рукописные сборники поучительных слов, житий, апокрифов, проповедей, распространившиеся в Болгарии с конца XVI по начало XIX в., в которых в полном, расширенном или редуцированном виде представлен какой-либо из характерных типов исторически сложившегося устойчивого состава статей, содержащего, в частности, произведения Дамаскина Студита“ (Демина 1968: 40). Исходя из этого определения, Е. Демина определяет слова, образующие устойчивый состав нескольких типов дамаскинских сборников, и тем самым чётко разграничивает дамаскины от остальной литературы XVII в. до начала XIX в.

А. Милтенова впервые ставит вопрос о явлении, предшествующем и сопутствующем возникновению и развитию дамаскинской литературы – сборниках смешанного состава. В своей диссертации «К характеристике болгарской литературы XV - XVII веков (сборники смешанного состава)» на основе 40 рукописей, опираясь на классификацию Деминой, автор дает следующее определение: «Сборники смешанного состава» представляет собой объединяющий жанр «чети» типа с неустойчивым составом и разнообразным содержанием, возникший как преобладающее явление в болгарской литературе с начала XVI до середины XVII века» (Милтенова 1980).

В вышеприведённых исследованиях дамаскинские сборники XVII – XVIII вв. рассматриваются как единое целое, независимо от их состава и так называемых недамаскиновых слов. А также без учета проблем, связанных с их адаптацией или переработкой в новоболгарских дамаскинах XVII в. Недамаскиновые слова в дамаскинах долгое время не были предметом изучения, хотя именно они лежат в основе ряда классификаций дамаскинов. В связи с этим актуальна монография Елки Мирчевой «Не-дамаскинови слова в новобългарските дамаскини от XVII в.», в которой автор, опираясь на определение Е. Дёминой и чётком разграничение дамаскинских сборников от сборников смешанного состава, сделанное в исследованиях Е. Дёминой и А. Милтеновой, предлагает изучение т. н. недамаскиновых слов в дамаскинах XVII века.

Настоящее исследование основано на определении Дёминой и чётком разграничении дамаскинских сборников от сборников смешанного состава, проведенном в цитируемых исследованиях Е. Деминой, А. Милтеновой и Е. Мирчевой.

НОВОБОЛГАРСКИЕ ДАМАСКИНЫ XVII-XVIII В.В.

КНИЖНЫЙ ЯЗЫК НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ (КЯНО)

Имя В. Григоровича и сегодня справедливо ассоциируется в науке с ученым, который первым обратил внимание на известную сегодня дамаскинскую литературу (Романский 1937: 162). Но так как В. Григорович не выходит в печать с оценкой исключительного значения новоболгарских сборников как первых в истории памятников болгарской письменности, написанных на народном болгарском языке, то «открытие» дамаскинов принадлежит другому ученому, академику В. И. Ламанскому (Ламанский 1869). В болгарской науке о дамаскинах первым в 1865 г. сообщает И. Момчилов в своей работе «Сборник от образци за изучаването на старобългарски език по сичкото му развитие» (Момчилов 1865). В конце XIX – начале XX вв. филологи впервые столкнулись с новой письменностью и необходимостью ее описания (Цонев 1894; 1910, 1923; Милетич 1908; 1923; Спространнов 1902; Шишков 1911 и др.).

Болгарский XVII век интересен новым явлением – появлением литературы, написанной языком, альтернативным традиционному типу письменных формаций,

близким к разговорному языку письменным языком, известным под термином **книжный язык на народной основе (КЯНО)**. Сохраняя связь с многовековой болгарской письменной традицией, дамаскины с начала XVII в. создают новый тип книжного языка, аналитический по своей структуре, в котором нашли отражение особенности живой речи (Дёмина 1983: 225–239). Возникает необходимость определить место этих сборников в истории болгарского языка и литературы; описать язык дамаскинов; дать классификацию этих разнородных и разновременных памятников; определить место их первоначального создания и их судьбу.

ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДАМАСКИНОВ

Неоценимое достоинство дамаскинов состоит в том, что они написаны на народном болгарском языке, это первая попытка после многовекового перерыва, сделать разговорный язык основой языка литературного. По вопросам, связанным с языком болгарских дамаскинов, имеется внушительная литература (Лавров 1899; Петканова-Тотева 1965, 214–236; Дёмина 1968–1985; Милтенова 1980; Мирчева 2001; Митринов 2005; Мичева 2015; Димитрова 2009: 727–740). Дамаскинская литература по своему содержанию относится к средневековой литературе, но с созданным **КЯНО** совершает переход к новому типу литературы, написанной доступным языком. Новый тип литературного языка основан на диалектах и сочетает в себе традиционные и новые языковые средства.

Дамаскины имеют определенное место и существенное значение в развитии болгарского литературного языка. Ряд научных работ указывает на исключительное значение дамаскинов в истории болгарского языка и исторической диалектологии, отражающих состояние разговорного болгарского языка в XVII – XVIII веках и отражающих диалектные особенности многих областей Болгарии (Ламанский 1869; Цонев 1894; Лавров 1899; Митринов, Гиневский 2005 и др.).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НОВОБОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НАЧАЛО СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Дамаскины – это один из спорных моментов в определении начала новоболгарского языка. В многочисленных периодизациях истории болгарского языка, предлагаемых разными болгарскими и европейскими авторами, подход и критерии оценки места дамаскинов в болгарской литературе различны – лингвистические, исторические, комплексные. Поэтому новоболгарские дамаскины рассматриваются некоторыми авторами, как начало новоболгарского литературного языка, другими – как последний этап развития архаического типа языка или как начало современного периода литературного развития (Мирчев 1958; Цонев 1964; Бернщейн 1973; Иванова-Мирчева 1987; Цойнская 1983; Тодоров 1965; Дёмина 1969; 1983; Гылыбов 1980; Мирчева 1997; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999). В научной литературе утвердилась периодизация Д. Ивановой-Мирчевой (Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 229 – 230). Согласно этой периодизации язык новоболгарских дамаскинов XVII в. положил начало новоболгарского литературного языка, не прерывая связи с традиционным книжным языком.

Особое место в периодизации отводит Е. Дёмина (Дёмина 1969), которая ввела термин КЯНО (Дёмина, 1968; Дёмина 1973: 118–141; Дёмина, 1976: 285–290). Она определяет его как специально обработанный наддиалектный письменный идиом и доказывает существование ряда подобных идиомов в посткирилломефодиевскую эпоху. Староболгарский язык тесно связан с разговорным языком, но только в XVII веке в новоболгарской дамаскинской литературе была восстановлена связь между книжным и разговорным языком. По мнению автора, этот новый письменный идиом имеет свою коммуникативную и социальную функцию – он служит для церковных проповедей, заменяя уже непонятный язык литературным языком нового типа (Дёмина 1985). Несомненно, вклад Е. Дёминой не имеет аналогов в изучении болгарской литературы и языка XVI, XVII и XVIII в., и сегодня является значительным научным достижением, с которым считаются другие исследователи (Мирчева 2014: 109 – 112).

Уникален характер четвертой части многотомного исследования Тихонравовского дамаскина – **«Речник на книжовния български език на народна**

основа от XVII век (върху текст на Тихонравовия дамаскин)“ (РКЕНО). В работе над словарем участвуют ученые Секции истории болгарского языка Института болгарского языка при БАН. Это первая работа в области истории болгаристики и славистики, в которой научно представлена лексика новоболгарских дамаскинов, в ней предлагается уникальный материал по истории болгарского языка, исторической лексикологии и исторической диалектологии. Ученые из Секции истории болгарского языка Института болгарского языка в последующие годы продолжают работу над языком новоболгарских дамаскинов. Доц. Г. Митринов работает над интересным поздним дамаскином XIX в. и издает в соавторстве Райковский дамаскин, который является ценным памятником Среднеродопия (Митринов, Гиневский 2005). Доц. В. Мичева издает монографию «Картината на света в езика на новобългарските дамаскини» (Мичева 2015), которая является вкладом в исследование важных культурных концепций в текстах новоболгарских дамаскинов.

КЛАССИФИКАЦИИ ДАМАСКИНОВ.

МЕСТО ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ В ЭТИХ КЛАССИФИКАЦИЯХ.

Многочисленные исследования, а также внушительная литература о дамаскинской литературе привлекают лингвистов и приводят к логическим попыткам классифицировать дамаскины. Первая классификация дамаскинской литературы была сделана Б. Цоневым (Цонев 1919: 228–237), в дальнейшем эта классификация была доразвита Д. Петкановой (Петканова 1965: 42–105). Классификация, предложенная Д. Петкановой, и само определение «дамаскин» претерпели значительные коррективы в более поздних исследованиях Е. Дёминой и А. Милтеновой (Дёмина 1968; Милтенова 1980). Классификация, предложенная Е. Деминой (Дёмина 1968), до сих пор актуальна в болгарской научной литературе. В этой классификации находят место Одесские дамаскины, согласно которой Одесские дамаскины № 36 (62) и № 37 (63) являются дамаскинами **III новоболгарского типа**, а Одесский дамаскин № 39 (65) является дамаскином **IV новоболгарского типа**.

Отдельное место занимает также классификация Е. Мирчевой (Мирчева 2001), в которой автор, взяв за отправную точку классификацию Е. Дёминой, предложила свою

классификацию недамаскиновых слов в новоболгарских дамаскинах, систематизируя дамаскины по праздникам фиксированного и подвижного церковного календаря (Мирчева 2001: 72 - 75). В классификации Е. Мирчевой находят место и Одесские дамаскины, некоторые статьи которых могут быть источником недамаскиновых слов в новоболгарских дамаскинах: *Слово за добрите и мълчаливи жени*; *Слово за злите жени*; *Слово за магьосниците и знахарките* – дамаскин № 38(64); *Премудрости Соломонови* – дамаскин № 39 (65); *Видение на апостол Павел* – дамаскин № 36 (62); *Єпистолия на неделята*; *Чин вечерня*; *Пасхалия*; *Месецеслов* – дамаскин № 37(63).

Авторы монографии «Ловешки дамаскин: новобългарски паметник XVII в.» О. Младенова и Б. Велчева предложили новое видение развития и хронологии новоболгарских дамаскинов (Младенова, Велчева 2013). С помощью ряда текстовых сравнений отстаивается мнение, что дамаскины III группы являются первыми новоболгарскими дамаскинами. Текстологический анализ основан на двух уже существующих научных классификациях, а распределение дамаскинов по группам осуществляется на двух уровнях: на уровне рукописи и на уровне поучения. Существующие описания рукописей позволяют классифицировать дамаскины по составу входящих в них слов. В предлагаемую новаторскую классификацию включены также два Одесских дамаскина: № 36–62; № 37–63 (Младенова, Велчева 2013: 15–16).

Изучив и проанализировав публикации, касающиеся классификаций дамаскинов, хочу подчеркнуть, что полностью принимаю и использую в настоящем исследовании классификацию Е. И. Дёминой. Считаю, что именно эта классификация может быть основой для дальнейших исследований Одесских дамаскинов, написанных на новоболгарском языке.

ГЛАВА II

НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. И. ГРИГОРОВИЧА В РАЗВИТИЕ БОЛГАРИСТИКИ, СЛАВИСТИКИ И СОХРАНЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Настоящая глава посвящена ученому-слависту В. И. Григоровичу, основной акцент сделан на его научных интересах, вкладе в славяноведение, болгарознание и сохранение болгарской рукописной книги. В. Григорович – один из основоположников славянской филологии в тогдашней Российской империи. Научная и педагогическая деятельность В. Григоровича объединяет Казанский, Одесский и Московский университеты, проф. истории и литературы славянских народов, первый декан историко-филологического факультета Императорского Новороссийского (Одесского) университета (1865).

Заслуги проф. В. Григоровича перед болгарским народом компетентно отмечены рядом болгарских ученых (Шишманов 1916; Романский 1937: 97–176; Куев, 1983: 59–66). Ученый входит в список 100 самых влиятельных иностранцев в истории Болгарии (Пантев, Гаврилов 1999). Личность В. Григоровича символична для европейской славистики XIX века, его интерес к болгарской литературе и науке подтверждается участием в качестве члена Болгарского литературного общества в г. Браила, основанного в 1869 г. и ставшего в 1911 г. Болгарской академии наук. В качестве одного из руководителей Славянского благотворительного общества в трагический для болгар 1876 г. В. Григорович участвует в университетской организации, в которой каждый преподаватель и служащий Новороссийского университета в течение 11 месяцев оказывает финансовую помощь в поддержку болгарского народа.

В этой главе находят место сведения о профессиональном и жизненном пути ученого, которые связывают его с известными славистами России и Европы (И. И. Срезневский, Н. С. Тихонравов, П. Шафарик, В. Ягич), особенно его связь с болгарскими возрожденцами Г. С. Раковский, М. Дринов, Хр. Ботев и др. Большое значение для науки состоит, прежде всего, в том, что В. Григорович спасает от уничтожения большое количество староболгарских письменных памятников. Известно также, что В. Григорович передавал болгарским возрожденцам, с которыми поддерживал активную связь, рукописи из своего собрания для популяризации и дальнейшего исследования.

Так, ученый доверил Г. Раковскому ценную копию «Житие и страдание грешнаго Софрония», часть которой Г. Раковский успел опубликовать в журнале «Дунавска лебед». Другому болгарскому слависту, М. Дринову, В. Григорович подарил рукопись «Александрия», которая сегодня хранится в НБКМ (Цонев 1910: 449-450). Так часть рукописей В. Григоровича была возвращена обратно в Болгарию (Брага 2021б).

На протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности (1842–1875) В. Григорович занимался собирательством книг. Наиболее ценные из них ученый приобрел в 1844-1847 гг. во время научной поездки по болгарским землям. Григорович единственный, кому из поколения университетских славистов удалось осуществить свою мечту посетить болгарские земли, в тот период еще в границах Османской империи. Во время поездки Григорович посетил ряд монастырей, церквей, рассмотрел более 455 славянских рукописей, сделал копии 120 грамот, открыл множество письменных памятников. Некоторые из них он описывает, другие увозит с собой. Из научной поездки славист привозит более 130 оригинальных рукописей и фрагментов.

Глаголические и кириллические памятники, которые ученый В. Григорович привез из своей научной командировки, составили так называемое **собрание Григоровича**, ставшее впоследствии очень популярным благодаря тому, что в нём собраны ценные староболгарские рукописи: Мариинское Евангелие, Охридский Апостол, Боянское Евангелие, Слепченский Апостол, Григоровичевый паримейник.

„ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЄВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ“ (1848 г.)

Отдельное место во второй главе отведено путешествию В. И. Григоровича по болгарским землям. Научная командировка В. И. Григоровича длилась 1844-1847 гг. В славянских землях ученый находится с 20 августа 1844 г. по 11 июля 1845 г. В настоящей главе мы поставили цель представить В. Григоровича не через призму его годовичного пребывания в болгарских землях и на фоне, а также в некотором смысле противоречивых способов приобретения некоторых рукописей его коллекции, а в свете его неоспоримого вклада в развитие славистики, в которой, благодаря ученому, сформировалась раздел болгаристика.

Свои впечатления и результаты научной командировки ученый отражает в труде «**Очеркъ путешествія по Европейской Турціи** (с картой окрестностей Охридского и Преспанского озер)», первое издание которого выходит ограниченным тиражом в Казани, сегодня эта книга библиографическая редкость (Григорович 1848). В 1877 г., через несколько месяцев после смерти В. Григоровича, в Москве выходит второе издание книги. Именно это издание «Очерка» получило широкую известность. В Болгарии «Очеркъ» издан фототипически по второму московскому изданию в 1978 г. к столетию со дня смерти В. Григоровича. В диссертации представлен краткий очерк с информацией о маршруте, личных встречах ученого, а также информация о судьбе обнаруженных староболгарских памятников. Описаны обстоятельства, при которых славист обнаружил новоболгарские Одесские дамаскины.

В Очерке ученый сообщает следующее: «Упомяну, наконецъ, что мнѣ случилось находить новобългарскіе рукописи именно въ селахъ: Вакарелль, Эгри, Шипкѣ и городъ Руцукѣ. Древнѣйшая изъ нихъ восходитъ до половины XVIII столѣтія» (Григорович 1848: 191). Эти рукописи – Одесские дамаскины, объект настоящего исследования. В каждой из четырёх рукописей есть пометка, оставленная В. И. Григоровичем «Рукопись на новобългарскомъ языкѣ». Таким образом, В. Григорович находит и впервые сообщает, что у болгар есть книжность, написанная на народном болгарском языке.

ГЛАВА III

ОДЕССКИЕ ДАМАСКИНЫ

ПАЛЕОГРАФИЯ. КОДИКОЛОГИЯ. ДАТИРОВКА

Научный вклад диссертации отражен в третьей и четвертой главах настоящей работы. **ГЛАВА ТРЕТЬЯ** является основной для диссертации. В ней последовательно и в возможной полноте представлены палеографические и кодикологические характеристики четырех Одесских дамаскинов, выдержанные в единой схеме описания. Подход однотипный, палеографическое и кодикологическое описание четырёх Одесских дамаскинов, выдержанное в определенной схеме, решает разные задачи – лингвистические, литературоведческие, историографические, культурологические. Описание содержит данные о внешнем виде рукописи (формат, количество листов, нумерация страниц, водяные знаки, оформление, переплёт); орфографические и языковые данные (тип письма, характерные орфографические и языковые особенности); содержание рукописи, ее вид; цитируются оглавления статей, начальные строки поучений и концовка, а также все приписки и записи.

Датировка Одесских дамаскинов чрезвычайно важна. По письменным показателям (каллиграфическим, грамматическим и др.), встречающимся в Одесских дамаскинах, можно сделать выводы о художественной культуре, уровне образования, читательских интересах, развитии духовной культуры в средневековой Болгарии. А также прочувствовать коллективный облик писателя и читателя той эпохи, сделать выводы о состоянии книжного языка на народной основе и языковых процессах в историческом плане.

Сразу отмечу, что в своем исследовании я использовала фундаментальные исследования Е. И. Дёминой, но в выводах постаралась пойти дальше. Охарактеризовать Одесские дамаскины не только по устойчивому составу, согласно которому рукописи относятся к III и IV новоболгарскому типу, но также получить чёткую характеристику принадлежности к определенной каллиграфической и художественной школе, к письменному центру, сделать связь с другими рукописями, с которыми дамаскины образуют родственные группы.

В этом анализе использовались знания из разных областей: познания о каллиграфических школах и художественных центров, стилях письма, водяных знаков, а также использованы навыки работы с множеством рукописей для сравнения. **Конечной целью данного исследования является возможное пересечение разных видов анализа**, что позволит сделать коррекции в датировке рукописей, а также атрибутировать рукописи к определенному книжному центру. В процессе исследования полученные данные сравнивались с данными описания В. Мочульского, в которые вносились коррективы.

Палеографические и кодикологические констатации позволили сделать выводы о художественных школах, в которых работали писатели, создававшие Одесские дамаскины. Сопоставление изученных письменных памятников с атрибутированными рукописями, сопоставление их содержания с другими, известными в науке, позволило определить место Одесских дамаскинов в болгарской дамаскинской традиции.

В подобных палеографско-кодикологических описаниях желательно размещать фотоматериалы и водяные знаки 1:1 для иллюстрации анализов, датировки и идентификации. К сожалению, политика ОННБ не предполагает возможности фотосъемки, поэтому в исследовании был предложен другой способ защиты гипотез с помощью иллюстративного материала. Для этого был приглашен художник, который на основе эскизов и текстового описания максимально воссоздал и визуализировал элементы оформления рукописи, не претендуя на точную копию оригинала. Эти иллюстрации являются приложениями к диссертации и являются ее неотъемлемой частью.

ОДЕССКИЙ ДАМАСКИН № 36 (62) из коллекции Григоровича (Брага 2021а).
Рукопись обнаружена в селе Шипка, Казанлышко в 1845 г. в церкви св. Константина и Елены (Григорович 1848: 169).

Описание памятника: Объём: 2 + 124 листа + 1 лист бумаги, 4^о.

Рукопись представляет собой отреставрированную, переплетенную книгу, полную, на простой бумаге. Тематически подобранный сборник. **Переплёт** новый, не

оригинальный, без украшений. **Материал:** бумага рукописи достаточно плотная, местами потрепана, от времени посерела, без блеска. Местами – темнокоричневая, на л. л. 85а, 87а текст не читается, на л. 89а заглавие поучения. **Филиграни:** в рукописи находим две разновидности характерного водяного знака XVII–XVIII вв. – сочетание трёх полумесяцев (Дёмина 1971: 37). **Размеры листа:** 220 x 170 мм, размеры текстового поля: 150 x 120 мм, высота букв - 3 мм, в основном 16 строк на странице, но часто – 15.

Письмо – поздний полуустав. Из надстрочных знаков во всей рукописи регулярно используются ударения, придыхания, титла; двойная нумерация страниц. **Чернила:** Рукопись написана черными чернилами, интенсивность которых иногда меняется, текст трудно читается. Некоторые названия поучений и инициалы в рукописи написаны оранжевой киноварью. **Оформление:** сборник хорошо иллюстрирован, многие элементы выполнены во флоральном византийском стиле, рукопись начинается на л. 1а круглой геометрической заставкой с растительными элементами - коричневым контуром намечено множество бутонов и цветов, окрашенных ярко-зелеными чернилами и киноварью. Присутствуют заставки, выполненные черно-коричневыми, зелеными и оранжевыми чернилами в т. н. тератологическом стиле (Джурова 1980: 26). Использование элементов этого стиля в декоре Одесского дамаскина № 36 (62) является в какой-то возвращением назад. Так как мы знаем, что этот стиль возник в самый ранний период литературного развития, достигнув своего расцвета в XII в., а в XVII в. продолжают существовать только его элементы. Эту особенность в оформлении рукописей Д. Радославова определяет как тенденция к архаизации (Радославова 2020).

На л. 2а находится медальон с изображением лика Иисуса Христа, исполненный оранжевыми линиями, внутри окрашен желтым цветом. Находим цветной медальон на л.л. 11а, 21а, 33а, 41а. Такой же медальон изображен на л.л. 51а, 61а, 71а, 85а. Подобные изображения могут быть влиянием русской иконописи. Одномедальонные и трехмедальонные миниатюрные орнаменты ведут свое начало из старых рукописных образцов, которые обновляются впоследствии через старопечатные орнаменты. Они характерны для рукописной книги XVII – XVIII вв., в том числе и для дамаскинов (Гергова 2004: 284).

Приписки: на л. 63а переписчик черными чернилами выделил буквы **рүц**. Буква **ц** (20 мм) богато украшена вязью с растительными мотивами, которая прорисована под основанием буквы теми же цветами, что и заставка. На л. 67а зафиксирована приписка: *шпити перо ү хартіа*. Фактически это единственные записи переписчика во всей рукописи. Отсутствуют приписки, на основании которых можно сделать вывод об имени книжника, работавшего над рукописью. Автор – анонимный копиист. Однако, принимая во внимание буквенную пагинацию в верхнем поле рукописи, можно сделать вывод, что сборник, состоящий из двух статей, написанных двумя разными переписчиками, тематически объединяет два сборника, собранных в одно книжное тело.

Вторая часть Одесского дамаскина № 36 (62) начинается на л. 89 богато украшенной геометрической прямоугольной заставкой в виде двух восходящих солнц, исполненных зеленым, черным и доминирующим оранжевым цветом. Над заставкой крест с сакральным сокращением имени Христова, симметрично расположенный по обеим сторонам креста **IC XC NI K**. Бумага сильно пострадала от времени и название слова не читается. Для ее восстановления было использовано описание В. Мочульского. Очевидно, когда Мочульский работал над описанием рукописи, дамаскин был в гораздо лучшем состоянии и тогда заглавие читалось: **Слово стога апсла павла** (Мочульский 1890: 101).

На л. 105а, после описания путешествия в рай, писец, очевидно, пытался проиллюстрировать свои представления о рае: с обеих сторон растительные элементы, ветки с листьями и цветами. Наличие вязи с растительными элементами говорят о балканском стиле в орнаментике. На л. 106б большими красными и черными буквами (33 мм), в виде тесьмы, оформлена фраза **Љ ТҮКЯ € МЬКЯ НЯ ГРЪШИНЦИ**. В конце рукописи, на л. 124а, находим миниатюру, выполненную зелеными, черными и коричневыми чернилами, с крестами с четырёх сторон; на л. 124б – изображение херувима и серафима.

Содержание: Рукопись представляет сборник из двух поучений **Дамаскина иподiakона словк за второ пришествіе и Павлового виденіе**. Слово **сѣго апла павла** присутствует в трёх Одесских дамаскинах – № 36 (62), № 37 (63) и № 39 (65). Находим это поучение и в Тихонравовском дамаскине (Дёмина 1971: 43; 248–255).

Особенности графического оформления в Одесском дамаскине №36 (62):

Система правописания двухеровая, с преобладающим употреблением ъ. Могу предположить, что сборник был создан двумя переписчиками одной школы, почерк выдает опытную руку и определенные каллиграфические навыки. Буквы в строках имеют небольшой наклон вправо. Буквенные знаки характерны для письма, которое использовалось в Карловско-аджарской школе: а, в, в, г, д, љ, е, ж, з, s, и (алографы – і, ї), к, л, м, и, о (узкое), ѡ, п, р, с, т, ѣ, ф, х, ц, ч (у неглубокая чашка – почитать, рече, сички), ш, ѣ, ь, ю, ю, ѣ. Используются лигатуры ѿ, ѿ. Буква у имеет алографы – у и у: хѣвѣсь, райскю (л. 115.). Широкое е пишется волнообразно с длинным язычком, который не выходит за контур буквы. Инициал С пишется с тем же корпусом, что и инициал ѿ. Заглавная и строчная а пишутся одинаково - ѿ а. В инициалах Д, З, П, Д, ѣ, ѣ хаста стоит перпендикулярно строке. Инициалы в основном написаны киноварью. Верхняя часть з остроугольная и занимает верхнюю часть строки, а нижняя часть дугообразная и спускается в междурядье: за, иѣлѣзатѣ. Главная З вверху остроугольная, а нижний компонент внизу имеет расширение: Зѣкѡнѣ (л. 1а). Маленькие буквы ц и ѣ пишутся с почти вертикальной чертой вниз. У х – правое крыло закруглено на конце и заканчивается в междурядье. Верхняя часть маленькой р находится над строкой, эта часть напоминает узкую букву о, а нижняя часть опускается в междурядье. Переписчики используют умеренно надстрочные знаки – титлы, придыхания, фонетические ударения, различные виды сокращений, лигатурные сочетания и др., что объясняется характером богослужебного текста: хѣа – ѿа, вѣа – ѿ. 89, благословѣнѣ, ѿѣл (л. 106а.) Системно используются надстрочные буквы с (часто), реже д, н, л, ш: прѣвѣдѣ, люѣе – ѿа, хѣтанѣ, гѣда (л.89), зарѣи (л. 117б).

Датировка: Различные исследователи помещают письменный памятник в широкие хронологические рамки, делая выводы на базе языковых особенностей дамаскина. По мнению В. Мочульского, рукопись относится к XVI в. (Мочульский 1890: 100), В. Григорович также определяет памятник XVI в. По мнению Д. Петкановой,

«Язык рукописи настолько народен, что невозможно, чтобы рукопись была написана ранее второй половины XVII в.» (Петканова-Тотева 1963: 79). Подтверждение этому находим в классификации Е. Дёминой, согласно которой Одесский дамаскин № 36 (62) относится к **третьему типу новоболгарских дамаскинов**. Он основан на переводах начала XVII в. По мнению Е. Дёминой для этого типа дамаскинов характерно небольшое количество статей Дамаскина Студита, так как они дошли до нас в основном в переписях второй половины XVII в., и в них мы находим более новую версию текстов (Дёмина 1985: 59-60). Есть несколько статей, которые Е. Дёмина относит к устойчивому составу дамаскинов III группы. Обе статьи в Одесском дамаскине № 36 (62) **Слово Дамаскина Студита о Втором Пришествии и Слово Апостола Павла** входят в устойчивый состав III группы. О. Младенова и Б. Велчева отмечают, что памятник датирован XVII в., не указывая, на основании каких особенностей сделана датировка (Младенова, Велчева 2013: 11; 16).

Филиграни на бумаге имеют существенное значение для датировки и идентификации рукописей. Несколько типов водяных знаков типа «три луны», которые находим в Одесском дамаскине, аналогичны водным знакам № 331/1691-1692; № 351/1693; № 365/1694 и № 432/1702 из альбома Велкова и Андреева (Велков, Андреев 2005). Три полумесяца и корона на бумаге рукописи, говорят о том, что она была изготовлена в период 1680-1690 г. Весьма вероятно, что Одесский сборник относится к тому же периоду. В пользу этой гипотезы есть еще один аргумент: Одесский дамаскин № 36 (62) по содержанию, с большой вероятностью может быть родственным Люблянскому дамаскину (Мочульский 1890: 100-101). Основываясь на филиграни в Люблянском дамаскине, Мошин датирует этот памятник концом XVII в. – началом XVIII в. (Мошин 1971: 169). Можем предположить, что первая часть Одесского сборника относится к тому же периоду. Об этом свидетельствует хорошее (первоначальное) качество бумаги, а также изящное оформление рукописи. Памятник нельзя отнести к изящным книгам XVII в., однако, очевидно, что анонимные авторы создавали его аккуратно, внимательно, даже с изысканным вкусом.

Оформление рукописи дает дополнительную информацию о датировке памятника. Обе части сборника хорошо иллюстрированы. Начальные страницы в

первой (л.1а, л.2а) и второй части (л.89а) богато украшены плетёнными растительными элементами в византийско-балканском стиле, в зеленом и красном цвете. Рукопись содержит большое количество изящно оформленных цветных и черно-белых медальонов. Это орнаменты, типичные для рукописной книги XVII–XVIII вв., в том числе и для дамаскинов (Гергова 2004: 284).

Дамаскин не подписан и не локализован, отсутствуют приписки, на основании которых можно сделать выводы о личности переписчика, работавшего над рукописью. Буквенная пагинация в верхнем поле рукописи подсказывает, что Одесский дамаскин № 36 (62) содержит два сочинения, написанные двумя разными переписчиками, взятые из двух разных сборников, которые объединены в один тематический сборник. Система правописания двухеровая, с преимущественным употреблением ь, почерк в обеих частях сборника ровный, обработанный, царапин нет, почерк выдает опытного руку писцов с хорошими каллиграфическими навыками. Копиисты Одесского дамаскина № 36 (62), очевидно, обладали солидной подготовкой, приобретённой в монастырских скрипториях.

Можно предположить, что оба переписчика являются представителями одной каллиграфической школы. В орнаменте и в письме рукописи присутствуют устойчивые элементы и закономерности, создающие определенный канон и очерчивающие облик сборника. С другой стороны, именно это зачастую затрудняет идентификацию переписчиков, которые представляют одну школу и могут иметь одинаково развитые навыки и приемы копирования. Довольно часто среди них встречаются чрезвычайно хорошие писцы, которые, однако, остаются анонимными (Младенова, Велчева 2013: 11). Так обстоит дело с Одесским дамаскином № 36 (62). С полным основанием можем предположить, что копиисты — профессиональные и хорошо подготовленные переписчики с хорошим эстетическим вкусом, которые пока остаются анонимными.

На основании оформления памятника мы попробовали выяснить, из какой каллиграфско-художественной школы были эти анонимные переписчики. Для этого сборник № 36 (62) был сопоставлен с атрибутированными, описанными и датированными дамаскинами. Для сравнения графических элементов и элементов декора были использованы следующие атрибутированные рукописи: Еленский

дамаскин (НБКМ 1418); рѣкопис № 119 (137) от НБИВ, Тихонравовский дамаскин; Ловечский дамаскин, Аврамов сборник (Тончева 2008; Тончева-Годорова 2009).

Внимания заслуживает сходство оформления сборников: круглогеометрическая заставка с растительными элементами на л. 1а в Одеском дамакине № 36 (62), подобную заставку находим в Еленском дамаскине (л. 60а) и Тихонравовском дамаскине (л. 49; л. 157). После заставки, исполненной черно-коричневыми, зелеными и оранжевыми чернилами, находим инициал Z в виде грифона/дракона в слове Zаконъ в Одесском дамаскине № 36 (62). Такой же инициал находим в Тихонравовском дамаскине (л. 177, л. 256), а также в Еленском дамаскине на л. 132а – в слове Zловы. Еленский дамаскин оформлен богато и изыскано, перед каждым поучением имеются крупные инициалы и разнотипные заставки, он датирован второй четвертью XVII в. Тихонравовский дамаскин датирован второй половиной XVII в. Оформление первой части Одесского дамаскина №36 (62), Тихонравовского и Еленского дамаскина содержит достаточно сходных элементов, чтобы можно было предположить, что Одесский дамаскин восходит к тому же периоду – второй половине в XVII в.

Находим также большое сходство в оформлении с другой рукописью из собрания «Уникальные и редкие издания», НБИВ № 119 (137), в которой содержится только одно поучение – Слово за второ пришествиѣ, которое начинается растительной заставкой вязью и тремя медальонами. Образ Христа включен в них в верхнем ряду посередине. В Одесском дамаскине № 36 (62), на л. 2а, находим такой же медальон с изображением лица Иисуса Христа; тот же медальон изображен на л. 11а, 21а, 33а, 41а, далее - на л. 51а, 61а, 71а, 85а, в конце сборника на л. 124.

Слово за второ пришествиѣ, если судить по количеству сохранившихся переписей, является самым популярным произведением Дамаскина Студита в новоболгарской литературе. Первоначально этот текст распространялся отдельной книгой (Младенова, Велчева 2013: 51–70). Примером отдельной переписи этого поучения является рукопись № 119 (137) НБИВ, датируемая концом XVII – началом XVIII в. Согласно предложенной здесь гипотезе, первая часть Одесского дамаскина № 36 (62) могла быть отдельной книгой с самостоятельным поучением, а уже на более позднем этапе собрана в тематический сборник. Идентичность в отделке, орнаментах, письме, графике,

миниатюрах Одесского дамаскина с атрибутированными рукописями позволяет датировать памятник, а также сделать предположение о каллиграфической школе и личности анонимных переписчиков рукописи. К вышеуказанным рукописям для сравнения мы добавили нелокализованный второй Троянский, Люблянский дамаскин и недавно введенный в научный оборот Ловечский дамаскин (Младенова, Велчева 2013) – эти три памятника написаны карловско-кукленским письмом и, вероятно, датированы концом XVII – началом XVIII в. К этой же книжной школе определены Еленский и Тихонравовский дамаскины. Все эти факты отсылают нас к Карлово-аджарской книжной школе конца XVII – начала XVIII в. (Ангелов 1976; Радославова 2020).

Несомненная однотипность в палеографическом и кодикологическом отношении Одесского, Тихонравовского, Люблянского, Еленского дамаскинов, а также общая кодикографическая модель этих памятников, которая включает одинаковую орнаментальность в украшении отдельных текстов и общие параметры канона письма, подсказывают, что они созданы писцами одной школы, которые тесно сотрудничали друг с другом. Отсюда следует вывод, что балканский книжный центр, в котором, вероятно, был создан Одесский дамаскин № 36 (62), это Карловско-аджарская школа, с центром в селе Аджар (сегодня Свежен). Один из самых оживленных литературных центров в XVII в., который стал известен как дамаскинарский и художественный центр. Ярчайшим представителем этой школы является известный каллиграф и книжник Аврам иерей Димитриевич.

Мы сравнили оформление и графические особенности Одесского дамаскина № 36 (62) и Авраамового сборника 1674 г. (с бесспорным авторством А. Димитриевича). Авраамовый сборник отличается особенно богатым и изысканным оформлением и является одной из наиболее красиво оформленных книг XVII века. В этом отношении находим большое сходство в оформлении Одесского дамаскина с Авраамовым сборником: письмо и богатая отделка в балканском стиле, всевозможные рукописные орнаменты – заставки, инициалы, миниатюры, гармоничные цвета с добавлениями красного, зеленого и оранжевого, замысловатые заставки вязью. Письмо представляет собой геометрический каллиграфический полуустав, схожий с письмом Аврама

Дмитриевича. Здесь можно предположить, что Одесский дамаскин № 36 (62) связан с деятельностью круга учеников Аврама иерея Димитриевича или его ученика Крыстю Грамматика – представителя Карловской каллиграфической школы, который активно работает в этот период. Однако для проверки этой гипотезы необходимы более глубокие исследования и сравнительный анализ. Пока переписчики Одесского дамаскина № 36 (62) – два анонимных копииста.

ВЫВОДЫ: на основании комплексных данных и пересечения разных видов палеографических и кодикологических анализов: водяных знаков на бумаге, графических характеристик, декора и орнамента, а также сопоставления с атрибутированными датированными рукописями Одесский дамаскин № 36 (62) передатирован к концу XVII в. (вероятно к самому концу XVII в.), что подтверждает ранее высказанные гипотезы Д. Петкановой и Е. Дёминой, сделанные на основе языка памятника (Петканова 1963: 79; Дёмина 1985: 59–60).

Два анонимных переписчика, создавшие Одесский дамаскин № 36 (62), с эстетическим вкусом, корректностью и аккуратностью, принадлежат к Карловско-аджарской книжной школе. Каллиграфические особенности и оформление рукописи позволяют предположить, что Одесский дамаскин № 36 (62) это произведением переписчиков из круга учеников Аврама Димитриевича. Среднегорскую Карлово-аджарскую книжную школу можно определить как прямого, может быть не единственного, предшественника, другой, значимых для эпохи болгарского Возрождения литературно-просветительских центров, которым, например, в XVIII в. стал Котленский центр (Радославова 2020: 128). Рукопись, о которой пойдет речь ниже, Одесский дамаскин № 37 (63), принадлежит к Котленской книжной школе, одной из важнейших центров книжности и образования в XVIII веке.

ОДЕССКИЙ ДАМАСКИН № 37 (63) из коллекции В. Григоровича

Рукопись определена В. Григоровичем как сборник на новоболгарском языке, но не локализована. Некоторые авторы сообщают, что неизвестно, где и когда эта рукопись была найдена ученым (Младенова, Велчева 2013: 16). В описании В. Мочульского сообщается, что Одесский дамаскин № 37 (63) – это „рукопись XVI века из

Пошехонья“ (Мочульский 1890: 102). Находим топоним Пошехонье, это историческая местность на берегу реки Шексны (с XVI века), другое значение – город Пошехонье (1777 г.) Ярославской области (Россия). Однако болгарская рукопись не имеет к этим топонимам никакого отношения. В процессе детальной работы с рукописью были выявлены и исправлены некоторые неточности, что позволило определить местонахождение Одесского сборника.

На л. 1 находим печать с двуглавым орлом библиотеки Императорского Новороссийского университета, сразу после нее запись, сделанная рукой В.И. Григоровича: «№ 63. *Рукопись на новоболгарскомъ языкъ, XVI в., in 24°, неполная*“. Затем последнее слово зачеркнуто и написано слово *полнѣхоньякая*³. В этом месте в описании В. Мочульского допущена неточность. В. Григорович первоначально написал *неполная* ошибочно, но, подробно изучив рукопись, понял, что сборник не только полный, но и последние 4 листа пустые и содержат более поздние приписки. Вот почему ученый так эмоционально исправляет свою первоначальную запись. В. Мочульский, описывая рукопись, очевидно, увидев примечание В. Григоровича, зачеркнутое слово *неполное* и слово, которое было написано ниже, рассчитал *полнѣхоньякая* как *пошехоньякая*, отсюда и топоним Пошехонье. Этим недоразумением и объясняется тот факт, что Мочульский в описании Одесского дамаскина № 37 (63) указывает: «рукопись из Пошехонья». В работе украинского ученого Ф. Петруня мы можем убедиться, что Одесский дамаскин № 37 (63) был найден В. Григоровичем в 1844 г. в Зографе (Петрун 1927: 152).

Описание памятника: Объем: 2 + 246 + 4 листа, 16 °.

Рукопись представляет собой хорошо сохранившуюся книгу в переплёте, полную, на простой бумаге. **Переплёт** оригинальный, тонкие доски, обтянутые темно-коричневой, художественно обработанной тонкой кожей с тиснением в центре в виде ромба и мелкими орнаментами в виде четырехточия, подобие крестного знамения. Дамаскин имеет плоские металлические застёжки и художественно обработанные

³ См.: Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. В четырёх томах, Т. 3, Москва, 1948, с. 264. „Полнѣхоньякий, полнѣхоньякая, ое; -нек, -нька -нько (разг.). Совсем полный, наполненный.

металлические угольники. Переплёт выполнен с эстетическим вкусом в характерном художественном стиле, который определенно несет христианскую семантику и корреспондируется с орнаментами в тексте.

Материал: бумага рукописи достаточно плотная, желтого и коричневатого цвета, без блеска. Размеры листа: 100 x 65 мм. Рукопись выглядит как карманный блокнот. Малый формат указывает на то, что она должна была предназначаться для коллективного или индивидуального чтения вне храма (Радославова 2020). Размеры текстового поля: 70 x 50 мм, высота строчных букв - 2,5 мм, инициалы около 18-20 мм, в основном 7 строк на странице, реже - 8 строк.

Филиграни: в рукописи находим водяной знак корону – на л.л. 68, 117; полумесяц – на л. 135; инициал **М** (внизу с узелками) – на л. 154; две буквы **ММ** – на л. 150. Знаки хорошо видны, только местами не совсем четкие. Филиграни могут предоставить ценную информацию о датировке рукописи, а датировка в некоторых случаях может быть сужена до четверти века, как это принято в практике. Для этого необходимо иметь фотоматериалы водяных знаков 1:1, иллюстрирующие анализы, датировку и идентификации. Однако на данном этапе политика ОННБ не предполагает возможности фотосъемки. По этой причине в настоящей работе только указаны водяные знаки в описании, без проведения сравнений с эквивалентными знаками в имеющихся филигранных альбомах. Рукопись небольшого размера, так называемого 16-го формата, в которой водяной знак можно быть в четырех местах, иногда на сгибе. Инициал **М** (л. 154), вероятно, является сопроводительным, по этой причине нельзя точно установить относится ли он к основному водяному знаку или является частью контрамарки. Дальнейшие палеографические исследования позволят уточнить водяные знаки и подтвердить датировку рукописи.

Письмо представляет собой полуустав с элементами скорописи. Правописная система двухеровая, с преобладающим употреблением **ь**. Из надстрочных знаков в рукописи используются фонетические ударения, редко двойные ударения, имеется буквенная пагинация. **Чернила:** Рукопись написана черными чернилами, интенсивность которых почти не меняется. Названия статей и краткие заголовки, а также подзаглавия, расположенные внутри основного текста или в боковом поле,

написаны киноварью. Красными чернилами нанесены также инициалы и маленькие буквы в словах, которые подчеркивают новый по смыслу фрагмент в тексте. В некоторых случаях красными чернилами написаны целые слова, местами только отдельные инициалы.

Оформление: рукопись начинается на л. 2а заставкой, обрамлением которой служат две узкие полосы, ромбовидно переплетающиеся в определенную композицию. Заставка прямоугольная, выполнена киноварью и черной тушью, размеры 15 x 80 мм. В стиле заставки на л. 5а выполнены инициалы **Б** (15 мм); **С** (л. 166); **К** (л. 99б). Это характерные черты т. н. балканского стиля оформления староболгарской книги, доминирующего в XV – XVII вв. (Джурова 1980: 39). Маленькими орнаментами в виде четырехточия, подобие крестного знамения, заканчивается Чин вечерня (л.19а), краткий месяцеслов (л. 48б), эпистолия (л. 139а) и сама рукопись на л. 242а.

Приписки: в конце рукописи л.л. 244б, 245а есть запись, раскрывающая имя писателя, работавшего над Одесским дамаскином № 37 (63): *да са знай тази книга чи е писа Илиа Марку^е погъ Стефануфъ Илиа.*

Датировка Одесского дамаскина № 37 (63): В. И. Григорович (л. 1а в рукописи) и В. Н. Мочульский (Мочульский 1890: 102) датируют рукопись XVI в., В. Ягич относит памятник к XVII в. (Ягич 1877: 137-168). На основании архаичной формы переплёта С. Берщейн предполагает датировку не позднее начала XVII в. (Берщейн 1957: 216). По мнению Д. Петкановой, рукопись написана «не ранее начала XVIII в.» (Петканова 1965: 251). Вывод делается на основе языка. Также, по мнению Д. Петкановой, Одесский дамаскин № 37 (63) по своему содержанию относится к сборникам, не содержащим поучения Дамаскина Студита, но, по существу, относящимся к дамаскинской литературе (Петканова 1963: 87). О. Младенова и Б. Велчева предпочитают более позднюю датировку Д. Петкановой более ранней датировке Е. Дёминой (Младенова, Велчева 2013: 16).

Отправной точкой для датировки рукописи является классификация Е. Дёминой, которая классифицирует дамаскины по характеру литературного языка и их составу. Одесский дамаскин № 37 (63) относится к **третьему типу новоболгарских дамаскинов** и основан на переводах начала XVII века. По мнению Е. Дёминой, для

этого типа дамаскинов характерно небольшое количество статей Дамаскина Студита, так как они дошли до нас в основном в переписях второй половины XVII в., и в них мы находим более новую версию текстов (Дёмина 1985: 59).

В XVIII в. часть дамаскинов выходили за рамки церковной практики и часто становились чети-сборниками. В них собраны произведения разного жанра и разной тематики – жития, поучения, апокрифы, исторические произведения, религиозные рассказы, «мудрые» изречения и др. К подобным сборникам по содержанию относится Одесский дамаскин № 37 (63): пасхалия, месяцеслов, эпистолия, поучения и др. В настоящем исследовании принята более поздняя датировка памятника XVIII веком.

Особенности графического оформления в Одесском дамаскине № 37 (63)

В графическом оформлении Одесского дамаскина № 37 (63) находим правильность и геометричность, построенная по принципу буквенного соподчинения, в котором столбцы преднамеренно отклоняются, например **ъ**, **ь**, **ѣ**. Создается впечатление синхронности и уравновешенности, что достигается также равномерным выносом в пустое междурядье хастов некоторых графем - **ѣ**, **ѵ**, **Ѷ**, **ѷ**, **Ѹ**.

В XVIII веке в городе Котел процветает знаменитая Котленская книжная школа - один из последних рукописных центров на болгарских землях. Ее родоначальником считается Милко Котленский. Среди его учеников выделяется ярчайший представитель Котленского центра - Стойко Владиславов, будущий епископ Софроний Врачанский. Именно в Котеле сформировалась каллиграфско-книжная школа с особым типом письма, с единой орфографией, которая отличается характерными буквенными начертаниями и общей манерой в художественном оформлении. Буквенные начертания в котленских рукописях обнаруживают много общих графических признаков, письмо - мелкий полуустав. Кроме того, за счет преднамеренного утончения буквенных окончаний и элементов, выходящие над или под графическим рядом, достигается орнаментальность - еще одна общая черта этого типа письма (Караджова 1994: 150). Особенно характерным для котленского типа письма является параллельное написание правой наклонной части **ѵ**, высоко приподнятой над верхней

графической чертой. Характер котленского письма в основном геометрический, преобладают угловатые рисунки, овалом меньше, используется относительно небольшое количество лигатур, часто межбуквенные промежутки заполняются точками в виде крестиков. Все эти характерные черты находим в графике и письме Одесского дамаскина № 37–63, что создает общее впечатление полного орнаментального порядка.

Сборник № 37 (63) эстетически хорошо оформлен: он начинается заставкой, обрамлением которого служат две узкие переплетённые ленты, собранные в определенную ромбовидную композицию (л. 2а). Заставка прямоугольная, размеры 15x80 мм. Находим очевидное сходство в оформлении Одесского дамаскина № 37 (63) и Часослове Милко Котленского⁴: оба сборника начинаются идентичными, ромбовидно переплетающимися заставками. В стиле заставок начертаны киноварью инициалы в форме креста. Небольшие орнаменты в виде четырехточия ∴ ∴ ∴, подобие крестного знамения, нахожу в обеих рукописях: в конце Одесского дамаскина № 37 (63) на л. 242а и в Часослове Милко Котленского (л. 128). В Одесской рукописи подобным орнаментом ∴ ∴ заканчивается Чин вечерня (л. 19а), краткий месяцеслов (л. 48б), эпистолия (л. 139а) и сама рукопись на л. 242а. Такие же орнаменты находим в Часослове Милко Котленского (л. 128а, 176а). Почерк в этих рукописей, стиль орнаментации, декоративное письмо, цвет чернил, взятые вместе с орфографическими и языковыми особенностями, позволяют определить две рукописи как принадлежащие одному книжному центру, а именно Котленской каллиграфско-книжной школе.

Другие признаки, такие как переплёт, также важны для определения координат создания, датировки и авторства рукописи. Они могут стать ориентиром для принадлежности к определенной книжной школе или студии. Орнаменты оригинального кожаного переплёта Одесского дамаскина, теснение в виде геометрических фигур в центре с ромбом и декоративными элементами, демонстрируют схемы, типичные для котленских переплётов – ромб и прямоугольник (Караджова 1994: 111). Здесь нахожу сходство с переплётками Милко Котленского, которые типичны, их девять (они есть на восьми его рукописях, включая пять

⁴ Сохраняется в ЦСВП „Иван Дуйчев“, кат. 13.

часословов, и львовское печатное евангелие). Именно благодаря этой типичности и повторяемости композиционной схемы и элементов орнамента, его переплёт имеют важное палеографско-кодикологическое значение для идентификации его неподписанных рукописей. Переплёт Часослова третьей четверти XVIII в.⁵ также дело рук Милко Котленского (Караджова 1994: 51), в нем также обнаруживаем сходство с переплётом Одесского дамаскина № 37–63.

Другая рукопись, взятая для сравнения – рукопись № 583 из собрания Музея Возрождения (Варна), принадлежит Котленскому книжному центру, XVIII в. (1761 г.), переплёт этой рукописи выполнены Софронием Врачанским, который в ранний период деятельности, занимался переплётками рукописей и старых печатных книг (Караджова 1994: 53). Содержание рукописи № 583, в которое входят **Слово ѿтго Ишѡна златоустаго ѡ покаанни дешевини; Слово сотни молитв Павла; Ёпистолия**, по содержанию существенно совпадает с поучениями в Одесском дамаскине № 37 (63).

Наблюдения показывают близость Одесского дамаскина № 37 (63) по орнаменту, письму и графике также с Котленским дамаскином⁶. Это богато орнаментированный дамаскин Софрония Врачанского 1765 г., изданный фототипно в юбилейном сборнике «Катехизически, омилетични и нравоучителни писания на Св. Софроний Врачански» (1989). В связи с палеографической принадлежностью Одесского дамаскина к Котленскому книжному центру, были использованы также фототипные издания двух Софрониевых переписи «Истории славяноболгарской» 1762 (Райков 1972) и 1781 (Романский 1938), а также фотоприложения к описаниям рукописных коллекций НБКМ, НИМ и ЦСВП.

ВЫВОДЫ: на основании комплексных данных и пересечении различных по типу палеографических и кодикологических констатаций, графических характеристик, элементов декора и орнамента, а также сопоставления с атрибутированными датированными рукописями, Одесский дамаскин № 37 (63) был датирован к середине XVIII века, что подтверждает гипотезу, высказанную ранее Д. Петкановой, сделанную на основе языка памятника (Петканова 1965: 251).

⁵ Сохраняется в музее Возрождения, Варна, сигнатура 289.

⁶ Сохраняется в Санкт-Петербурге, БАН, Сирку 13.5.18.

Переписчик поп Илья Марку, очевидно, копиист из Котленской книжной школы, о чем свидетельствуют каллиграфия, письмо, орнаментика, манера оформления, оригинальные элементы декора, сочетающие в себе местную книжно-декоративную традицию, влияние прикладного искусства и бытовой орнаментики. Беря во внимание письмо и изысканные орнаменты, можно предположить, что писатель создал и другие рукописи, которые не сохранились или нам они не известны.

С древних времен город Котел был одним из центров книжности и образования. В XVIII веке небольшой горный поселок переживает настоящий экономический бум. Это находит отражение в литературе и культуре. Многие котелцы уже тогда отправлялись в паломничество в афонские монастыри. Особенно сильна была связь с монастырями «Хилендар» и «Зограф» – духовно-просветительскими центрами, из которых писатели города Котел черпают многовековые литературные традиции и мастерство. Оттуда завозится много богослужебных книг, которые становятся образцом для котелских писателей. Нередко монахи-паломники, отправляясь на Афон, везут собой свои книги. Малоформатный Одесский дамаскин № 37 (63) с размерами 100 x 65 мм предполагает наличие условия переносимости и использования вне храмового пространства, вероятно, как для коллективного, так и для индивидуального чтения.

Здесь можно провести интересную параллель с миниатюрной печатной книгой Якова Крайкова – сборником «Различни потреби», изданный в Венеции в 1571-1572 гг. и представляющим собой уникальный кириллический палеотип, отличающийся оригинальным карманным форматом 10,5 x 7,5. Профессор М. Цибранска-Костова публикует его текст на основе лейденской копии (Цибранска-Костова 2012). Карманный формат таких книг был предназначен для путешествующих людей, но должен ли он быть привязан к служению? А так как ответа на этот вопрос у меня пока нет, то отмечу лишь то, что Одесский дамаскин № 37 (63) прошел интересный путь: был написан в Котленской книжной школе одним из учеников Милко Котленского. Позже, учитывая тесную связь котелцев с Зографским монастырем, сборник был перенесен в Зограф поклонником или купцом, где позднее, в 1844 г., была обнаружена славистом В.И. Григоровичем и вывезен в Одессу, где хранится и сегодня. Это интересный и тернистый путь одной болгарской рукописной книги. А настоящее исследование – это

лишь небольшой шаг к возвращению обратно в Болгарию Одесского дамаскина № 37 (63), который является частью болгарского книжного наследия.

ОДЕССКИЙ ДАМАСКИН № 38 (64) из коллекции В.И. Григоровича (Брага 2003; 2005). Обнаружен В. Григоровичем в 1845 г. в г. Свиштове (Григорович 1848: 176–177, 191). На л. 1а находим заметку В. Григоровича: № 64. Рукопись на новоболгарскомъ языкѣ, XVIII в., Переводъ съ греческого Йосифа Брадатого.

Описание памятника: Объем: 2 + 328 листа, 4^о

Рукопись представляет собой хорошо сохранившуюся книгу, в переплёте, полная, на обычной бумаге. **Переплёт** оригинальный, очень хорошо сохранившийся: тонкие доски, обтянутые тёмно-коричневой, художественно обработанной тонкой кожей с теснением. Орнаменты с обеих сторон: на лицевой стороне находим растительные мотивы, а на оборотной – геометрические фигуры. Рукопись с сохранившимися застёжками и художественно коваными металлическими угольниками. **Материал:** бумага рукописи достаточно плотная, местами истрёпана, от желтого до коричневатого оттенка, без блеска. **Филиграни:** на л. 58 - WC; л. 67 - VIC. **Размеры листа:** 210 x 150 мм. **Размеры текстового поля:** 180 x 120 мм, высота букв - 3 мм, преимущественно 25 строк на странице, чаще - 26 строк, реже - 20 строк (л. 3) или 24 (л. 85б).

Содержание: Одесский дамаскин № 38–64 представляет собой конволют, состоящий из трёх отдельных рукописей: первая часть – Толковое Евангелие на воскресенья пасхального цикла, переписанное Никифором Рильским; содержит воскресные поучения, начиная с Поучения въ нѣма митара и фарисѣа и заканчивая Поучения въ нѣлю въскѣ стѣ. Перевод этого произведения сделан Йосифом Брадати, а в состав Одесского дамаскина № 38 (64) входит перепись, сделанная монахом Никифором в Рильском монастыре. На первых двух страницах содержание рукописи. Сразу после содержания находим приписку: Сїю кнїжицу, приведе Іосїфъ, иеромоѣхъ рильскы, вѣщи дѣховникъ, Брадати, и приведе ю, ѿ грѣческы книгъ, на болгарскы просты языкъ; ѿ неговъ же изводъ прописахъ сїю азъ, недостойны монахъ, Никифоръ, оу стѣи свителъ, Рильскы, въ лѣто ѿ адана, 7265; ѿт въплощенїе хѣва

дѣла (1757), мѣца августа; преигүмена, Серапиона, Ёромонаха; и наместника Никита, Ёромонаха; и четүще ѿцы, и братїа, аще что вбрещете и съгрѣшено исправите г҃да, ради, и на^б проститы, такъ невежѣ, в'писанїе (л. 2б). Благодаря этой записи с первых страниц рукописи становится понятно, что сборник является делом рук известного писателя-дамаскинаря Йосифа Брадати⁷, а перепись сделана в Рильском монастыре в 1757 г. Никифором Рильским. Это ставит сборник в ряд немногочисленных памятников, результат совместной работы Йосифа Брадати и Никифора Рильского.

Письмо: первая часть сборника написана письмом, типичным для Йосифа Брадати и Никифора Рильского – средним, неправильным полууставом. **Чернила:** первая часть рукописи написана чѣрными чернилами, интенсивность которых иногда меняется, но в целом ее качество остается неизменным, имеется двойная пагинация. Названия статей, подзаголовки, которые располагаются внутри основного текста или размещаются на полях, а также краткие заголовки, расположенные в верхнем поле большинства листов, написаны киноварью.

Вторая часть содержит другие, более полные воскресные учения Теодора Студита для периода пасхального цикла, которые также переведены Йосифом Брадати. Они начинаются с Поучения къ нѣма митара и фарисеа и заканчиваются Слѣвом на оүспѣние прѣтна вѣцы. Эти поучения написаны другим, более поздним почерком, письмо – скоропись, трудно читается. **Размеры текстового поля:** 190 x 130 мм, высота букв - 3 мм, в основном 24 строки на листе, чаще - 22 строки, реже - 20 строк. **Чернила:** вторая часть памятника написана только чѣрными чернилами, на более новой бумаге. Интенсивность чернил в этой части рукописи не меняется. Названия статей отличаются величиной букв и чѣтким шрифтом, сохраняется двойная пагинация.

Третья часть полностью самостоятельна и тематически не связана с предыдущими двумя частями. Это сборник Прѣзници вавини или ѿ вавїхъ васнехъ, также известный как *Женский сборник*, который содержит поучения против

⁷ Йосиф Брадати традиционно по-русски именуется Иосиф Брадатый. См. Православная Энциклопедия, Т. 26, с. 26-27. Здесь считаю уместным использование болгарского имени. Йосиф Брадати – болгарский иеромонах, писатель и переводчик эпохи Средневековья, основатель книжной школы, центром которой считается Рильский монастырь.

суеверий и предрассудков. Предполагается, что составитель этих учений Йосиф Брадати. Автограф Йосифа не сохранился, но большинство известных рукописей, вероятно, созданы в районе Рильского монастыря, Самокове или Самоковском регионе (Ангушева-Тиханова, Димитрова 2013: 121). **Письмо** – скоропись, очень близкая к той, которой написана вторая часть сборника, но более читабельная. Могу предположить, что писцом этих частей является один человек. **Чернила:** названия поучений в третьей части и инициалы некоторых слов полуустав, написанные киноварью. В целом, в отличие от первой части, во второй и третьей частях сборника отсутствует чёткая схема в написании названий и использовании черных и красных чернил.

Оформление: рукопись в целом не очень богато оформлена, что типично для сборников Йосифа Брадати и Никифора Рильского, но эстетически сборник выглядит хорошо. На л. 3а нахожу заставку, представляющую прямоугольную рамку – двойные переплетённые ленты, которые ромбовидно переплетаются в определенной композиции, расписанные киноварью и черной тушью. Вверху стилизованный треугольный крест киноварью, на концах фигуры: два креста, выполненные черными чернилами. В стиле заставки – инициалы, исполненные вязью. Это характерные черты т. н. балканского стиля книжного оформления (Джурова 1980: 39).

Во второй и третьей частях сборника декор почти отсутствует, за исключением иллюстрации в конце второй части страницы на л. 285б, представляющей собой изображение Иисуса Христа, одежды которого расписаны растительными мотивами. По всей вероятности, это одно из первых новоболгарских изображений Иисуса Христа (Иисус правой рукой благословляет, а в левой держит раскрытую книгу, в которой читаем евангельскую цитату. В начале третьей части сборника находим заставку-орнамент в балканском стиле (л. 287а), графический рисунок лица в профиль (л. 321б).

В конце сборника Григорий поп Илийович передает приписку Йосифа Брадати: **Знѧнѡ вѹди кѧко азъ Йѡсифъ Брадатии по́сникъ, изведохъ ѿ гръческий ѧзикъ на словенский. сие писмо ради женски и бабини врагоцини самовили. и бродници на прочитание на ползѹ женѧмъ. В лѣто 7264 (7264) ѿ Рждтва Хрѣтѡва дѧ҃на (1756), оу Рѣлски монастѣрь, тогда вѣхъ (скоропись). Внизу на заднем форзаце Григорий поп Илийович оставляет свою приписку, которая начинается полууставом, а заканчивается скорописью: **писхъ азъ****

Григоріе синъ попъ илишвичъ шт града свѣштѣвскагѣ: ѿ Махлѣ Чѣка: лѣтъ: шт рождествѣ по плѣти Хрѣстѣ нашегѣ дѣно 1789: мартіе: и кон четѣ да рече ...писалъ.. вѣтъ да го прости.

Вторая и третья части сборника пестрят приписками одного и того же лица – *Григория попа Илишовича*. Хотя личность писца, переписавшего вторую и третью части сборника, до сих пор остается неустановленной, приписки в рукописи позволяют говорить о том, что первая часть рукописи, безусловно, переписана монахом Никифором Рильским не позднее августа 1757 г., а вторая и третья части предположительно принадлежат попу Григорию. Приписки этого лица находит также в первой части дамаскина (л. 96; л. 1086). Многочисленные записи дают возможность сказать, что поп Григорий несколько десятилетий после написания книги был ее владельцем, читателем и, возможно, переписчиком части сборника. Переплёт и прошивка трёх частей Одесского дамаскина № 38–64 в один кодекс, вероятно, произошло сразу после его написания, так как механических повреждений он не имеет. Относительно хорошо оформленного и сохранившегося оригинального переплёта пока не имеем достаточно сведений, чтобы делать обоснованные выводы об её изготовителе.

ОДЕССКИЙ ДАМАСКИН № 39 (65) из коллекции В.И. Григоровича

Памятник был найден В.И. Григоровичем в июле 1845 г. в селе Вакарел, (Софийская область), в церкви св. Николая (Григорович 1848: 162; 191).

Описание памятника: Объем: 2+295+2 листа, 4°.

Рукопись представляет собой отреставрированную книгу в переплёте на обычной бумаге. Дамаскин, состоящий из 19 статей, 7 из которых Дамаскина Студита. Сборник не имеет начала. Первый лист содержит отрывок из «Премудрости Соломона» на новоболгарском языке. Этот лист взят из другого сборника, письмо полуустав, написанный черными чернилами. С л. 26 начинается сам сборник, который, по мнению Д. Петкановой, «по содержанию связан с Берлинским и Свиштовским дамаскинами» (Петканова 1965: 241).

Переплёт не оригинальный, без орнамента. **Материал:** бумага простая, достаточно плотная, от жёлтого до серого цвета, без блеска. **Размеры листа:** 190 x 135 мм. **Размеры текстового поля:** 160 x 110 мм, высота букв - 2,5 мм, в основном 22 строки на странице, чаще 26 строк, реже - 18 или 19 строк. Начиная с л. 211а текстовое поле занимает почти весь лист. **Письмо** - скоропись с попыткой перехода к полууставу. **Чернила:** рукопись написана в основном чёрными чернилами, интенсивность которых часто меняется, местами буквы и слова плохо читаются (л. 28а, 29а, 104а-106б). На л. 211а чернила полностью размыты. Встречаются множественные исправления, некоторые слова зачёркнуты (л. 139б). Использование киновари в рукописи нерегулярно и бессистемно.

Оформление: в целом рукопись небогато иллюстрирована. Основным украшением являются инициалы с орнаментом в виде тесьмы. Виньетка на л. 193а выполнена в том же стиле. Это элементы т. н. балканский стиля оформление староболгарской книги (Джурова 1980: 39). Одно из поучений заканчивается графически выполненными двумя инициалами Z ∴ Z ∴ с точками вокруг них (л. 50б). На этом же листе находим миниатюру: человеческое лицо с крестом сверху, на л. 167б и 260б - такие же графические рисунки. В конце рукописи рисунок с изображением Иисуса Христа (благословляющий Иисус).

Приписки: в сборнике № 39 (65) находим больше всего приписок разного типа. На л. 123а - 136а в нижнем поле имеется запись, которая раскрывается имя писца, создавшего Одесский дамаскин № 39 (65): да са зна" како се потруди за сѣю книгу ꙗ҃лѣми дамаскинъ попъ Иванъ синѹ Петрофъ...

Согласно классификации Е. Дёминой Одесский дамаскин № 39 (65) является новоболгарским дамаскином IV типа (Дёмина 1968). Почти все сборники IV новоболгарского типа обнаружены в Восточной Болгарии, особенно в Свиштове и Свиштовском регионе. Только Одесский дамаскин № 39 (65) обнаружен в Западной Болгарии, но, судя по диалектным особенностям сборника, был перенесен туда из Северо-Восточной Болгарии (Дёмина 1985: 61). Есть основания полагать, что в целом возникновение и распространение этого типа новоболгарских дамаскинов связано с восточно-болгарскими книжными центрами.

ГЛАВА IV

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

В настоящей главе изложены теоретические постановки, представлены конкретные практические результаты и перспективы для будущих исследований, связанных с изучением 4-х малоизвестных науке рукописей - Одесских дамаскинов, которые содержат значительный объём неизученного исходного материала, незначительное количество обобщающих исследований и представляют интерес с точки зрения болгарской исторической лексикологии. Цель исследования состоит в том, чтобы наметить общую картину присутствия лексического материала в 4-х исследованных рукописей с учетом внешних и внутриязыковых факторов и явлений, имевших место в процессе создания письменных памятников.

В настоящей главе на основе извлечённого материала представлена первая в своем роде реферативная характеристика лексических особенностей Одесских дамаскинов, письменных памятников XVII - XVIII веков. Для этого были изучены и проанализированы различные типы лексических единиц, которые были описаны и систематизированы. Были проанализированы основные лексико-семантические группы, предложены несколько тематических классификаций. Сопоставление лексических данных из Одесских дамаскинов XVII, XVIII вв. позволило наметить устойчивые тенденции языкового многообразия в дамаскинской литературе того периода. Выводы и обобщения нашли место в конце каждого параграфа.

Исходный материал Одесских дамаскинов доказывает, что в них засвидетельствован живой болгарский язык с конца XVII до конца XVIII века, обогащенный лексикой разных эпох. Язык Одесских сборников показывает, как сочетаются несколько культурных моделей - из дохристианской (праболгарская лексика), христианской эпохи и эпохи Предвозрождения. Одесские дамаскины имеют два основных типа языковых влияний, лежащих в основе двух разных концептуальных моделей сочетания свое (**домашняя лексика**) и чужое (**заимствования**). Домашняя лексика состоит из слов общеславянского фонда, некоторые из которых засвидетельствованы как в т.н. классических староболгарских памятниках X-XI веков, так и в более поздних произведениях средневековой болгарской литературы.

Староболгарской лексике и её значению в успешной реконструкции праславянского лексического фонда посвящен ряд фундаментальных исследований и конкретных работ (Иванова-Мирчева 1989: 5–12; 1988: 29–35; Геров 1895–1904; Цонев 1934–1940). Болгарский лексический пласт является основным в Одесских дамаскинах, он же и самый богатый, присутствует как в традиционной староболгарской лексике, так и в ряде диалектных слов, характерных для народно-разговорной речи.

ДОМАШНЯЯ ЛЕКСИКА, состоящая из народных и книжных по происхождению слов – основа языка Одесских дамаскинов. В текстах, например находим большое количество усвоенной лексики (в основном абстрактная и христианская лексика) и словообразовательные типы (например, существительные с суффиксами *-ние*, *-тел*, сложные слова) из староболгарской литературы. В ряде болгарских диалектов того времени, в том числе и в балканских говорах, вместо некоторых старых абстрактных существительных употребляются ориентализмы – в бытовой, общественно-политической, государственной сфере. Некоторые из народных ориентализмов появляются в дамаскинской адаптации. Однако в сфере христианских понятий и реалий предпочтение отдается средневековым болгарским словам. Сохранение их в новоболгарских адаптациях, вероятно, связано со стремлением к такой номинации, посредством которой в условиях османского владычества можно добиться отличия от чужой конфессиональной и духовной сферы (Димитрова 2009: 736).

Общеполгарская домашняя лексика – в основном это группы понятий, связанных с человеком и его жизнедеятельностью: хозяйственной, образовательной и социальной; сфера быта, семейная среда, семейные и деловые отношения; названия предметов, определяющих отношения человека с окружающим миром и основными сферами жизни.

ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА

*Все примеры из общеславянской группы лексики, которые представлены ниже, даны в форме, в которой они встречаются в текстах Одесских дамаскинов.

Лексику общеславянского происхождения в Одесских дамаскинах можно обобщить в несколько тематических групп:

1. Слова, связанные с природой и природными явлениями: громъ, буря, дъждь, снѣгъ, слънцѣ, небо, мѣсцать и лѹна, звѣзди и др.;
2. Слова, служащие для названия объектов окружающего мира: езеро, река, море, гори, долчини, полѣ, планини, льгове, нивиецо, овоцието, равнина и др.;
3. Животный и растительный мир: риби, звѣрие, гадини, вълци, орель, волъ, ризь, елень, заецъ, мечка, вълкъ; овце, кози, птице; дѣвѣ, трева и др.;
4. Слова, связанные с семейно-родовой лексикой: отецъ, жена, мѣжь, родъ, брати, человекъ, синове, дѣщери, побратимъ, посестрима и др.;
5. Названия объектов государственного, административного и церковного устройства: страна, град, царство, дѣржава, село, селище и др.;
6. Названия частей человеческого тела: глава, сърце, лице, рѹка, нога, очи и др.;
7. Абстрактные понятия, связанные с жизнью человека и его внутренним миром: вѣра, грьхъ, дѹхъ, дѹша, смирение, животь, честь, печаль, миръ, истина, трудъ;
8. Названия предметов, связанных с домашним бытом и основной трудовой деятельностью человека: Жилища и посуда: домъ, къща, прѣдѣль, дворъ, градина, съдове, грънець, печь, вглицца, мрежа, врата, дверь, столове; Еда и напитки – хлѣбъ, пшеница, жито, леца, вода, вино, месо, мѣдъ, масло, брашно, соль; известные еще в стб период греческие и латинские по происхождению заимствования: финици, елей, оцетъ и др. Одежда и украшения: примени, одежда, одѣвание, дрѹхи, коприна, риза, и др.

ВЫВОДЫ: в группе лексем общеславянского происхождения в Одесских дамаскинах наиболее активны те, которые свойственны народному языку и унаследованы из староболгарского книжного языка. **Основу лексики в 4-х дамаскинах составляют исконные домашние слова.** Они относятся к основным понятиям, связанным с жизнью, бытом и деятельностью людей. Ввиду жанра

рукописей, представляющих собой сборники преимущественно религиозной и нравственно-поучительной тематики, объем бытовой лексики в текстах невелик.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

К особенностям лексики изучаемых рукописей, добавим некоторые ее характеристики, заслуживающие основательного изучения, которое будет сделано в другом исследовании. В Одесских дамаскинах находим большое количество синонимичных пар. Это близкие или одинаковые по значению, но с разным буквенным строением, слова, которые могут заменять друг друга (Бояджиев 2011): красивъ—хубавъ, зълъ—лошь, люди—хора, врата—двери, конецъ—край, желая—искаи, кротостъ— смирение; страсть—желание; езичникъ—друговѣрникъ. Наибольшее количество таких пар находим в Одесском дамаскине № 38 (64).

В Одесских сборниках находим языковые единицы, которые могут быть перспективным направлением в исследованиях. Р. М. Цейтлин различает их как текстологические и лексические дублеты (Цейтлин 1977: 45; СС: 54). Слова, по-разному передающие одну и ту же лексему греческого оригинала в определенном контексте и в определенном литературном памятнике, автор определяет как текстологические дублеты. В большинстве случаев текстологические дублеты являются также лексическими дублетами (Цейтлин 1977: 46), например: труд и работа; радость и вѣселие; смѣрникъ и кроткъ; миръ и тишина и др. Староболгарскому книжному языку присуще наличие фонетических и грамматических дублетов, а и науке давно известно, что староболгарские письменные памятники отличаются исключительным богатством лексических дублетов и вариантов. Эта тенденция продолжается и в среднеболгарский период развития языка. В текстах Одесских дамаскинов, написанных на новоболгарском языке, также находим определенное количество дублетов, например: молва и метежь; безаконство и неправда; наместилъ и ұтакмилъ.

Р. М. Цейтлин разграничивает лексические дублеты от синонимов: „Обычно текстологические дублеты являются одновременно и лексическими дублетами, т.е.

словами, которые имеют одно и то же значение (в многозначных словах непременно совпадает одно значение и не обязательно остальные). Лексические дублеты, т. е. слова с одним и тем же значением, отличаем от синонимов, т. е. слов, близких по значению“ (Цейтлин 1977: 46). Из определения ясно, что текстологические дублеты являются одновременно и лексическими дублетами, но это не означает, что они обязательно должны быть синонимами.

В этом параграфе исследования намечены некоторые лексические особенности в Одесских дамаскинах, которые заслуживают детального изучения. Рассмотрение этих типов дублетов как изолированных пар позволяет установить факт их присутствия в памятниках, но не может объяснить причины их распространения и использования в текстах. Для этого необходимо изучения этих слов в систематической связи. Для этого необходимо иметь в наличие бóльший объем текстов. На данный момент работа осуществляется с тем, что переписано от руки во время работы в библиотеке. При невозможности работы на данном этапе в фондах библиотеки, констатируем интересные языковые особенности и явления. Позднее, при более благоприятных условиях и наличии возможности работы с текстами, можно будет сказать, являются ли приведенные примеры синонимами, текстовыми дублетами или словесными парами. Можно будет дать объяснение и конкретный контекст, предложения, в которых они используются, статьи, в которых они появляются.

В текстах присутствуют семантические оппозиции, такие как: *право—криво; кривдина—правдина; волна и неволна, мали и велики, стари и млади; волъкри и сиромаси*. Все эти слова исконные и общеславянского происхождения, а противопоставления следуют однотипную словообразовательную модель, которая, очевидно, используется писцами вполне сознательно и достигает продуманного стилистического эффекта.

Это лишь часть языкового разнообразия Одесских новоболгарских дамаскинов. 4-е рукописи XVII, XVIII в. в значительной степени отражают лингвистические особенности того периода. Но в то же время они ставят вопрос о том, что нового прослеживается в языковом развитии в XVIII в. В болгарском языкознании установлено, что дамаскины XVII в. отражают ранний этап развития новоболгарского языка (Младенова, Велчева 2013: 118). Особенности новоболгарского языка и

тенденции развития, наметившиеся в XVIII в., ранее не были предметом описания и анализа. Отсутствие исследований по этой теме ставит необходимость рассмотреть Одесские дамаскины XVIII века в бóльшей полноте и объёме.

В процессе изучения 4-х дамаскинских сборников был поставлен ряд вопросов и задач, ответы на которые нашли место в диссертации. На основе исходного материала Одесских дамаскинов были сделаны аргументированные выводы о том, как, каким образом и в какой мере изменилось содержание сборников XVIII в. Одесские сборники в значительной степени представляют языковые особенности того периода, но вместе с тем в XVIII в. появляются новые особенности языкового развития, которые в известном смысле меняют облик и содержание сборников этого периода.

Одной из целей лингвистического исследования было сопоставление исходного материала из Одесских дамаскинов с языковыми единицами **„Речника на книжовния български език на народна основа от XVII в. (РКЕНО)**. На основе интроспекции, сравнений и сопоставления с индексами в РКЕНО было сделано несколько выводов: большинство лексических единиц, встречающиеся в Одесских дамаскинах, присутствуют в РКЕНО, но есть ряд лексем, которые в нем не зафиксированы, это может говорить о том, что в XVIII в. все больше лексики из народного языка входит в литературные тексты. Важно также подчеркнуть, что выбор той или иной лексемы зависит в известной степени от тематики слов, а также авторского творческого начала самого дамакинаря.

В качестве примера приведу фрагмент из третьей части Одесского дамаскина № 38–64 в переводе Йосифа Брадати. В статье **Слово ради самовили** предметом обличения являются народные поверья в существование гадалок, врачевательниц и знахарок: **и кои жени викають себе рекаре, и давають виле и бурдане, такови жени нарицаются антихристови оученицы и диявольски слуги, иже прелацають незлобиви дүши.**

Заслуживает внимания слово **рекаре**, которое не зафиксировано в РКЕНО. Лексема образована с помощью суффикса **-ар**, который является суффиксом *nomina agentis* м.р., а в контексте очевидно идет речь о женщинах. Наблюдаем замену женского словообразовательного суффикса **-ица** мужским **-ар**. В Словаре Н. Геров присутствует

реченица. Синонимы слова: 1. Орисници, урисници, наречници; 2. Която е наречена: нареченица, суженая. Находим также форму *речници* для мн. ч. в значение орисници (Геров 5: 78). В БЕР также присутствует *реченица* – в народной песне ‘наречена от орисниците’ (Кюстендилско); *реченици, речници* мн. ч ‘орисници, които на третата вечер от раждането на детето предсказват според поверието бъдещето му’ (БЕР 6: 212).

Уникально в книжном тексте XVIII в. присутствие слова *вураниѣ*, которое не зафиксировано в РКЕНО. В БЕР находим *бурен* ‘общо име на треви, плевели в културни; разновид бурен – вид бурен за лекуване на рани’ (БЕР 1: 91). Слово *вураниѣ* присутствует и в другом фрагменте из этого сборника, в котором Йосиф Брадати говорит о средствах, которые ведуньи используют для исцеления: *кога помощь можни да сотвори мало коже и сино платно и црквено црнѣкъ ножъ и вураниѣ, и ѿ вѣрва дряво и други многи врагощини* (л. 304а). Очевидно, что в контексте растение *бурен* имеет значение ‘лечебная трава’. Как мы знаем, много от дикорастущих бурьянов – это лечебные травы. В РБЕ *бурен* ‘название на различни видове треви край пътища и ниви’, в другом значение – это ‘лековита трева, билка, която се употребява в народната медицина’ (РБЕ). *Тя вика скришом врачки, прави магия, полива тайно Еньо с какви ли не води и бурени* (Елин Пелин, съч. III, 139).

Образный язык поучений в Одесских дамаскинах также обусловлен богатым словарным запасом переписчиков. Кроме старых книжных слов, известные писцам по переписям из книг на старом книжном болгарском языке, они употребляют и создают новые слова и абстрактные понятия. Их нет ни в словаре Н. Герова, не зафиксированы они и в РКЕНО. Например: слово *вратолубство*, в РКЕНО находим только *вратолубие* (РКЕНО 2012: 61); *непослушество*, в РКЕНО находим *непослушник* (РКЕНО 2012: 557).

Среди народных слов в тексте есть такие, которые относятся к диалектам и требуют некоторых уточнений. Слово *вльфа* в тексте означает ‘разбойник, преступник’, в РКЕНО – с тем же значением (РКЕНО 2012: 90). Любопытно семантическое развитие слова, в староболгарском она означает ‘гадатель, предсказатель’ (Асем., Сав. кн., Супр., СтбР 1: 176). Сравни *вльхувати* ‘гадая, правя магии, чародействам’ (Истр). Новобългарское значение ‘разбойник, крадец’ развилось в результате семантического изменения от переходного

значения 'измамник, хитрец, лжеец' (БЕР 1: 166). Сегодня слово встречается в различных болгарских говорах со значением 'разбойник' (Банско, Търново).

Анализируя лексические особенности, характерные для разных диалектов и в то же время относящиеся к оппозиции книжное-народное, приходим к выводу, что при выборе нового или архаичного слова писцы избегают слов, не отвечающих стремлению к доступности текста. Как отмечает Демина, в этот период в дамаскинах формируется книжный язык на народной основе как акт сознательной деятельности анонимных писателей по созданию нового типа литературного языка (Демина 1985: 11).

В Одесских дамаскинах отмечаем небольшое количество лексем, которые традиционно считаются протоболгарскими, и вошли в болгарский, славянский по происхождению, язык: *вългаринъ*, *тояга*, *висъръ*, *ковъчигъ*. В дамаскинах их употребление ограничено, однако исследование этого лексического компонента важно, так как на Балканском полуострове болгарские славяне были единственными, кто имел непосредственный и продолжительный контакт с языком протоболгар. Б. Симеонов подчеркивает, что это является одним из надежных средств для точного очерчивания территории болгарского языка, особенно на границах с соседними славянскими языками (Симеонов 1979: 31). Вопрос о протоболгарской лексике в истории болгарского языка является частью общей проблематики лексического наследия (Цонев 1984: 330; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 330 – 332; Тафраджийска 1982; Радева 2017: 272; Делева 2000; Гранберг 2005: 29 – 40; Делева 2008 и др.)

Это лишь некоторые лексические особенности Одесских дамаскинов, заслуживающие более подробного и детального изучения, которое будет сделано в другом исследовании.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИКУ ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ

В болгарском языкознании утвердилась формулировка, что церковнославянский язык — это «русская редакция староболгарского языка, зафиксированная в русских печатных книгах XVII – XVIII в.» (Иванова-Мирчева 1987: 335). В отличие от рукописных

текстов, язык печатных церковнославянских книг, распространяемых в Болгарии в XVII в., строго нормализован (Радева 2017: 275). Для создания болгарского языка и его лексической системы особое значение имеет церковнославянская лексика, так как в ней своеобразно пересекаются «свое» и «чужое» по отношению к болгарскому словарю. Эта лексика не чужда староболгарскому языку, а лишь формально «отредактирована», поэтому понятна и несет в себе «традиционализм» болгарской книжности (Радева 2017: 274).

Влиянию церковнославянской лексики на болгарский язык и дамаскинскую литературу посвящен ряд исследований (Цонев 1934; Мирчев 1958; Иванова-Мирчева 1988 и др.). Б. Велчева считает, что, несмотря на наличие в дамаскинах определенного количества церковнославянизмов, они являются хранителями широко распространенной и авторитетной литературной традиции (Велчева 1961). Здесь соглашусь с выводами М. Цибранской о том, что «церковнославянские нормы не возникают на пустом месте, а дополняют устойчивую кириллическую письменную традицию в болгарских землях и вообще на Балканах...Церковнославянские письменные нормы проникают в болгарскую литературу не просто как пассивный компонент литературы, а как активно формирующий компонент литературного процесса» (Цибранска 2007: 162–164).

Против тенденции некоторых исследователей связывать лексическое обогащение преимущественно с влиянием церковнославянского языка Л. Андрейчин приводит очень показательный факт: совпадение исторического периода появления и распространения дамаскинов (XVII и XVIII вв.) и церковнославянских печатных книг. Этот факт в значительной степени снижает представления о сильном влиянии церковнославянского языка на дамаскинскую литературу, поскольку они сосуществуют. По этой причине, по мнению Л. Андрейчина, более приемлемо считать, что влияние книжной лексики в языке является прямым и достаточно сильным отражением дамаскинской литературы, которая, в свою очередь, является продолжением среднеболгарской литературной традиции, доразвитой не только в России и в Сербии, но и в Болгарии (Андрейчин 1977). Интересны также данные, которые приводит К. Мирчева (Мирчев 1975), о том, что в среднеболгарских

памятниках (и дамаскинах в особенности), в отличие от церковнославянских, значительно меньше надстрочных знаков, ударений и т.п. Все это говорит о том, что дамаскинская литература стала проводником смешанного среднеболгарского и церковнославянского влияния на новоболгарский литературный язык, который, в свою очередь, имеет один основной источник – стб книжный язык (История 1989: 27). Другие авторы считают, что склонность употреблять в дамаскинах элементы стб языка, сосуществующие с новоболгарскими особенностями, является выражением сознательного смешения традиционных и новых языковых средств (Велчева 1961).

Как тогда (как староболгарский книжный материал или церковнославянское влияние) следует рассматривать существительные, характерные как для староболгарского, так и для церковнославянского языка, которые отличаются преобладанием таких компонентов, как *вого-*, *благо-*, *добро-*, *едино-* и пр. (Бояджиев 2011). В Одеских дамаскинах находим *благоприлежен*, *благоутробен*, *благообразен*, *вогомъдър*, *единороден*, *вогоугоден* и др. В текстах Одеских дамаскинов присутствуют и лексемы как *желание*, *поучение*, *спасение*, *писание*. Определять их категорично как церковнославянское влияние крайне и рискованно.

Вопрос о влиянии церковнославянского языка на формирование новоболгарского книжного языка бесспорен. Однако это процесс, характеризующий следующий, XIX век. Что же касается дамаскинской литературы XVII – XVIII веков, то литературные памятники раскрывают иную картину. Писатели-дамаскинари включают целые тексты, заимствованные из церковнославянских печатных книг, но адаптируют их язык к формирующейся норме **КЯНО**.

Имея в виду преимущественно восточно-болгарское происхождение 4-х Одесских дамаскинов, в качестве возможного фонетического церковнославянского влияния на их лексику можно указать такие примеры, как: *мѹка*, *рѹка*, *орѹжие*. Эти формы могли проникнуть в дамаскинскую литературу еще в XVII в. под влиянием болгарских рукописей, написанных ресавской орфографией, а в XVIII – XIX вв., возможно, вновь актуализировались под церковнославянским влиянием.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ОДЕССКИХ ДАМАСКИНАХ

Помимо славянской лексики, в болгарский язык входят и заимствованные лексемы, которые обычно проходят процесс адаптации, болгаризации и, таким образом, становятся болгарскими по форме и употреблению. Проникновение заимствований в определенный язык – явление естественное, и болгарский язык не является исключением. Лексические заимствования в наш язык проникают в разное время и из разных языков. Для истории болгарского языка важны заимствования из тех языков, с народами которых болгары имели длительные и интенсивные контакты. КЯНО своеобразно сочетает в себе традиционную лексику и новые слова, которые вошли в разговорный язык, в том числе заимствования, в основном греческого и турецкого происхождения, а также большое количество арабских и персидских по происхождению слов, также вошедших в болгарский язык через турецкое посредничество.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ОСМАНСКОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Османский турецкий язык, также известный как османо-турецкий или только османский – официальный язык Османской империи. Вариант турецкого языка, использовавшийся в Османской империи в период с XIV до XX в.

Начало турецкого языкового влияния на болгарский язык относится ко второй половине XIV в. Турецкое политическое, культурное и языковое влияние было особенно сильным в городах, многие из которых стали турецкими административными и военными центрами. Следует взять во внимание то, что турецкий язык является языком поработителя и, несмотря на многовековое турецкое влияние в условиях двуязычия, болгарскому языку удается сохранять свою национальную идентичность. По этому поводу ученый-путешественник В.И. Григорович констатирует в «Очерке», что болгары вне дома говорили на языке, сильно смешанном с турцизмами и грецизмами. Однако в семейной среде они общались друг с другом на своем чистом и старом болгарском языке (Григорович 1848). Этот факт можно объяснить тем, что между турками и болгарями

существовала религиозная нетерпимость, что являлось препятствием для этнического смешения.

Влияние турецкого языка на болгарский язык отличается от экономических и культурных контактов между носителями разных языков. С одной стороны, это официальный язык Османской империи, который был чужд для болгар. С другой, как язык администрации, официальной власти, он должен был быть освоен болгароязычным населением в империи, поскольку с этим было связано существованием и выживанием (Митринов 2020: 132). Благодаря смешению языковых территорий оно осуществляется особенно активно до начала XIX в., причем преимущественно устно, на диалектном уровне, не предполагая его письменного усвоения.

М. Стаменов предлагает использовать термин *османизм*, вместо термина *турцизм*. По мнению М. Стаменова, османизмы являются заимствованиями из турецкого языка (и через турецкий как язык-посредник), вошедшими в язык в османский период (Стаменов 2011: 21–22). Принимая аргументы автора относительно использования термина османизмы, считаю в нашей работе более подходящим использование термина *турцизмы/турецкие заимствования*. Анализируя турецкие заимствования в Одесских дамаскинах, следует отметить, что зачастую османский турецкий язык был посредником, через который в болгарский язык проникали слова из других языков – греческого, латинского/итальянского. Кроме того, большая часть турцизмов имеет арабское или персидское происхождение, в турецком языке они также являются заимствованиями (Добрева 2008). Например, *чеими*, *шадраване*, *дувар*, *гердан* – турцизмы из персидского языка в болгарский; лексемы *избарабаря*, *рушет* исторически также проникают из персидского в турецкий, а уже оттуда в народный болгарский язык. Отметим этот факт, не вдаваясь в дальнейшее обсуждение, т. к. для нашего исследования, которое ограничивается языком новоболгарских памятником, нет необходимости в таком этимологическом анализе.

Турецкие слова проникают во все сферы жизни, быта и общественную жизнь болгарского населения. В основном в болгарские диалекты и в разговорный язык, а оттуда в язык дамаскинской литературы вошло значительное количество слов из

турецкого языка. Им удается адаптироваться к болгарскому языку по-разному. Наличие турецкой лексики в болгарском языке привлекает внимание и интерес многих исследователей с начала прошлого века и до наших дней (Геров 1859–1904; Цонев 1934; Младенов 1926; Мирчев 1952; Мичева 2017; Митринов 2020: 131–165). В следующих строках добавлен материал из Одесских дамаскинов. Цель работы – систематизировать лексические заимствования из османского турецкого языка в Одесских дамаскинах. На основе лексико-семантического анализа и тематической классификации сделать вывод о степени употребления и сфере употребления турецких заимствований в данных памятниках. Лексические заимствования из османского турецкого языка из 4-х рукописей, были сгруппированы в разные категории, были рассмотрены и оценены как одновременно, так и по отдельности, а также в сопоставительном плане, была сделана классификация турецких заимствований.

Отправная точка в анализе – это классификация Б. Цонева (Цонев 1934: 177–191), который более ста лет назад предложил первую тематически ориентированную классификацию заимствований из турецкого языка, в ней сделана попытка оценить характер влияния турецкого языка на болгарский язык в историческом плане. Эта классификация является опорной точкой в исследованиях и работах современных болгарских исследователей (Радева 2017: 286–287).

Классификация лексических заимствований из османского турецкого языка в Одесских дамаскинах (Цонев 1934: 177–191):

*Все лексические заимствования из османского турецкого языка в предлагаемой ниже классификации выделены **жирным курсивом**, все цитаты и примеры из текстов Одесских дамаскинов выделены шрифтом CyrillicaBulgarian10U.

I. **Природа, растения, животные: *раслан, расланица, расланче*** – *лъв, лъвица, лъвче* (РКЕНО 2012: 845–846), в словаре Н. Герова заимствование не присутствует; *арслан* > arslan, остар и диал. форма: аслан, сейчас *простонар.* Лъв (РЕБ), отсутствует в РКЕНО. В Одеском дамаскине № 39–65, : *защо арсланъ нѣкоги та се хвѣтиль в принка.*

II. **Хозяйство, утварь: *сандък, торба, сенджир, софра*** (отсутствует в РКЕНО).

III. Ремесла, торговля, финансовые взаимоотношения: **чершия; гемия/гимия** – находим в текстах и болгарское соответствие *корав*; турцизм **занаят** и сегодня имеет место в современном болгарском языке. Заимствования **пазар, хакь, пара/пари** отсутствуют в РКЕНО; **рушет** ‘подкуп под формата на пари или материални облаги’: *ω горѣ члѣкѣ кои дава рѣшетъ като да ѹсѣди другѣго и кои криво право струѣва* (Одеский дамаскин № 37–63, л. 127). Сегодня лексема в пласте устаревшей лексики, в РКЕНО не обнаружена.

IV. Постройки и строительные части: **шадравань; чешма, чардак, конакъ** (БЕР 2: 581), **махала** (не зарегистрирована в РКЕНО).

V. Одежда, украшения и др.: **гердан** – встречается один раз в текстах, лексема не зафиксирована в РКЕНО.

VI. Еда, напитки. VII. Игры, забавления. VIII. Тело, болезни. Турецких заимствований из этих подгрупп в Одесских дамаскинах не зафиксировано.

IX. Личность, общество, вера, народность: **гюмрюкчия и ошурджия, лакомство /лакомник/лакумить**: по сичкы пѣтиѣца ощѣрѣиѣ и гюмрюкчия лакомиѣиѣ (*Слово о покаяѣиѣ душевном* в дамаскине № 39–65, л. 1386). С большой частотностью присутствуют турцизмы **хайдуте/кеседжия; хайдутството/кеседжийството; душманинь/душманство**. Турцизм **гюрутлия** отсутствует в РКЕНО. **комишия/комишийско** (не зафиксирована в РКЕНО): *ω горѣ кои лакомиѣть комишийско иманѣ* (№ 37–63, л. 127а). В этой группе также турцизмы **ходжа, тутунджиѣ** и др.

X. Управление, судейство: **фермань, тестирь; кадия** – лексема встречается в четырех Одесских дамаскинах. Также с большой частотностью используется домашняя лексема **сѣдѣн/сѣдѣнѣ**.

XI. Военная терминология: **сабѣя/сабѣе; субаше, визирь, паша** – лица, занимающие руководящие административные или военные должности. Важно здесь обратить внимание на то, что турецкие заимствования не вытесняют полностью домашние болгарские лексемы. Анализ языкового материала показывает, что в книжном языке на народной основе встречаются турецкие заимствования, именующие понятия государственного и военного устройства, сохранились, однако,

и болгарские лексемы как: **цар**, **владетел**, **князь**, **старшина**, **начелници** и **наставници**, а также военные термины – **воин**, **воинство**, **войска**, **войник**, **воевода**, **тысщници**. Более того при количественном сопоставлении турецкие заимствования значительно уступают болгарским лексемам.

ХII. Укорительные прозвища: т.е. пейоративные слова (Стаменов 2011). В Одесских дамаскинах находим следующие „укорительные прозвища“: **арсъз** (бесстыжий); **серсем** (рассеянный, глупый); **темерут** (мрачный, молчаливый).

ХIII. Другие значения: Заимствования, которые нельзя систематизировать по тематическому признаку, распределены по частям речи. В Одесских дамаскинах находим глаголы: **избарабаря** ‘изравня, направя нещо равно с друго’ (Геров 2: 176–177; БЕР 1: 32) и др., наречия: **кастенъ** ‘преднамерено’. Турцизм *kestane* из персидского проникает в тексты дамаскининов из народного языка; **башка по башка** ‘отделно’; **кондисам** ‘отседна’; сьюзите: **ама атта** от ар.; **хемь**. В дамаскинах с разговорно-стилистическим оттенком находим слова: **демек**, **баш**, **хайде**.

Из репрезентации турцизмов в Одесских дамаскинах ясно видно, как распределяются слова по основным группам, исходя из тематико-семантического принципа. Другой вопрос, который был поставлен, как турцизмы распространяются в дамаскинской литературе с учетом места, района, региона, книжного центра их создания, а также есть ли закономерность в частотности распространения тех или иных языковых единиц, каковы возможные факторы характера влияния османских турецких заимствований на язык новоболгарских дамаскинов. Согласно сделанным наблюдениям, решающим фактором является не только принадлежность текстов к определенному центру или диалекту, но и тематика описываемых в них событий (Мичева 2017: 96), а в ряде случаев и личность самого писца.

ВЫВОДЫ: сделанные наблюдения и результаты анализа позволяют сделать некоторые выводы, представляющие интерес для исследования:

➤ Анализ языкового материала подтверждает тот факт, что турецкие заимствования проникают в новоболгарские дамаскины постепенно и сравнительно поздно, а впоследствии их количество многократно увеличивается (Цибранска-

Костова, Абаджиева 2016: 26). Общий анализ показывает, что в Одесском дамаскине № 36–62, рукописи XVII в., объем и частотность турцизмов значительно меньше, чем в других сборниках. Наибольшее количество турецких заимствований находим в Одесском дамаскине № 39–65, самом позднем из четырех Одесских дамаскинов (второй половины XVIII в.).

➤ Одесские дамаскины, написанные на новоболгарском языке, создавались в разных книжных центрах: западноболгарском, восточноболгарском, центральнобалканском. Наряду с территориально ограниченными (диалектными) признаками рукописи содержат определенное количество турецких заимствований. Однако в количественном отношении проникновение турцизмов не связано напрямую с местом создания рукописей и далеко не всегда является решающим фактором.

➤ Проникновение и функционирование турецких заимствований в текстах Одесских дамаскинов отражает широкий спектр общественных и социальных процессов, происходивших в средневековой Болгарии. Систематизация турцизмов по определенным тематическим группам показывает, что лексические заимствования из османского турецкого языка в основном связаны с *Управлением, судебной, административной и военной властью*. Еще одна большая группа – это турецкие заимствования из групп *Ремесла, Торговля, Финансовые отношения и Постройки и строительные части*. В то же время следует подчеркнуть, что турцизмы в текстах Одесских дамаскинов не заменяют полностью болгарские лексемы.

➤ Кроме того, важно отметить, что в текстах сборников находим определенное количество турцизмов, отсутствующих в РКЕНО: ***арслан, сандък, торба, пара, акче, рушет, махала, гердан, софра, гюрютлия, комшия/комшийско***. Наблюдаем большее количественное присутствие турецких заимствований (в сравнении с РКЕНО) в двух Одесских дамаскинах - № 37–63 и № 39–65, рукописях середины XVIII в. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что в XVIII в. все больше лексем турецкого происхождения проникают в тексты для книжного употребления из языка народного.

➤ Писатели-дамаскинари прибегали к турцизмам в основном тогда, когда турецкое слово было общеупотребительным в народном языке, а в некоторых случаях оно употреблялось наряду с менее известным домашним эквивалентом.

Языковой материал Одесских дамаскинов наглядно доказывает, что почти нет турцизмов, для которых бы не было подходящего болгарского слова. Синонимическое употребление заимствования и болгарской лексемы делает послания более четкими и понятными. Например, находим следующие пары слов: **комсулук** > гърдост; **раслан** > лъв; **кадия** > съдия/судия, другие.

➤ Решающим критерием употребления той или иной лексемы является не ее происхождение, а ее понятность. Авторы новоболгарских дамаскинов стремятся создать доступные тексты, которые дойдут до максимального количества людей, с целью приобщить их к христианским ценностям. Если это можно сделать с помощью турецких слов, писцы без колебаний используют их. Таким образом, **съсид** преобразуется в **комшия**; вместо **смола** используется **капран**, **дукатитѣ** становятся **акчета**, аспри, грошь, жълтици. Турцизмы присутствуют в поучительно-религиозной лексике дамаскинов для того, чтобы сделать произведения более понятными и доступными.

➤ При этом следует подчеркнуть, что изучение языкового материала Одесских дамаскинов показывает, что в период XVII – XVIII в. турецкие заимствования – это часть книжного языка на народной основе. Хотя в некоторых случаях они воспринимаются как заимствования, им удается адаптироваться и влиться в домашнюю болгарскую лексику, поскольку через них строятся четкие послания и сообщения.

➤ Сделанные выводы показывают, что с конца XVII века, во второй половине XVIII века и до конца XVIII века дамаскинская литература подвергается многогранным языковым влияниям, но к ним добавляется ярко выраженное влияние турецкого языка как доминирующего в границах Османской империи на Балканах. Слова греческого происхождения представляют количественно меньшую группу по сравнению с турецкой лексикой. Преимущественно, они называют понятия в области религиозной и духовной сферы. В дамаскинах находит место основополагающая терминологическая лексика христианства из греческого, латинского, старосемитского языков (гебраизмы).

ГРЕЧЕСКОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Языковые связи между болгарами и греками восходят ко времени заселения болгарской группы южнославянских народов территории Византийской империи. Соседство с греками создавало естественные условия для экономического и культурного взаимодействия двух народов. В результате многовековых интенсивных контактов в болгарский язык вошли греческие слова, что нашло отражение в письменных источниках. Греческое языковое влияние в лексической сфере осуществляется через непосредственное влияние разговорного греческого языка и через книжные источники.

Примеры присутствия лексем из двух основных групп греческих слов в староболгарском языке находим в Одесских дамаскинах:

а) книжная лексика: *ангел, епископ, патриарх, евангелие, икона, игумен, апокалипсис, псалтир, хартия* и др.

б) народная лексика: в болгарский язык проникает ряд разговорных греческих слов, некоторые из них используются и сегодня. В Одесских дамаскинах находим *хорб, хбра, друмъ, липса, и др.*

Религиозно-поучительный характер дамаскинской литературы предполагает значительное присутствие заимствованной греческой лексики, связанной с христианской религией и церковной иерархией. Эта книжная по происхождению лексика проникает в болгарский язык в самый ранний староболгарский период, а традиционный книжный язык пронесет ее через века и так она достигает болгарских дамаскинов. Под греческим влиянием в староболгарском языке сложилась модель образования композитов (*благообразен, великомъдър, добродушен*). Особенно много таких калек находим в Одесском сборнике № 38–64: *благовестен, благообразен, високооумен, добродетел, високосърдечен, доброработна, човеколюбие, законопреступна* и др.

Параллельно с этим в Одесских дамаскинах находим значительный пласт заимствований, проникших в разговорный болгарский язык из разговорного греческого языка. В качестве примером можем указать прилагательные *евтинъ,*

палавъ, тромавъ; глаголы: харесвам, частично обогаренный с болгарской приставкой глагол довтасвам; повелительную форму ела!/елате и др.

Интерес представляет лексема *хѳра* – из греческого *χѳρα* ‘страна, земля, держава’, которая имеет связь с глаголом *χѳράω* ‘завладеваю пространство’. Лексема зафиксирована в Дубровнишской грамоте болгарского царя Йоан Асена II 1230 г.: „Дава цѳсарство ми ѳризмѳ си хѳрѳ дѳбрѳвништѳки любѳвным и всеѳрнымъ гѳстѳмъ цѳсарство ми..“ К этому примеру можем добавить еще один пример из апокрифного текста Толкования Данилового: *вѳѳрѳть се въ Каперѳнаѳмѳ горѳ текѳ хѳра рѳкъше земли*. И в двух приведенных примерах слово *хѳра* используется со значением ‘страна, держава’. На болгарской почве заимствование переживает семантическое развитие и путем метонимии приобретает значение ‘човеци, люде’. В болгарском языке заимствование вытесняет праславянское по происхождению *людиѳ* (**ljudyѳ*). Тем не менее, и сегодня слово *люде* употребляется в болгарском языке, но чаще всего встречается в диалектах, в поэзии и прозе, в речах более высокого стиля (РБЕ).

Дифференцирование слов греческого происхождения в тематические группы показывает, что грецизмы в болгарском языке происходят из двух больших областей – религии и общественной жизни. Как и следовало ожидать, наиболее многочисленны примеры в разделе религиозно-богослужебной лексики и терминологии, связанной с христианским богослужением, что характерно для всей средневековой литературы. В славянской медиевистике ее изучением в своем труде и выделением в лексико-семантические группы занимается Фр. Миклошич (Miklosic 1876).

ВЫВОДЫ: обобщая лексический материал греческого происхождения в языке Одесских дамаскинов, можно сделать следующие наиболее важные выводы:

➤ Слова греческого происхождения составляют количественно меньшую группу по сравнению с турецкой лексикой. Однако если турецкие слова целиком связаны с живой речевой практикой того времени, то значительная часть греческих заимствований проникает через литературу. Преимущественно, они называют понятия в области религиозной и духовной сферы.

➤ Среди греческих заимствований некоторые берут свое начало в средневековый период и до сих пор являются частью литературной лексики, например, *демон, дьявол, магия, философ*; другие из них также являются старыми заимствованиями, связанными с христианской культурной терминологией, например, *апостол, епархия, килия, монастырь, патриарх, поп*.

➤ Дальнейшая судьба греческих заимствований, вошедших в дамаскины из разговорного языка, различна: одна их группа сегодня является полноценными литературными единицами, например, *липсвам, панаир*, вторая – ограничена в употреблении в разговорной речи, например, *даскаль, дофтасам* и другие.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Через греческий язык в болгарский вошли слова из других языков. Заимствования из других неславянских языков в Одесских дамаскинах присутствуют в той мере, в какой они оказались в народной лексике в результате исторических условий. За исключением некоторых слов, заимствованных непосредственно у латиноязычного населения Балканского полуострова в период расселения болгарских славян, немало латинских слов проникло в болгарский язык через греческий язык. Они составляют наиболее значительную группу среди этой лексики.

ЛАТИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ. Влияние латинского языка на болгарский язык осуществляется главным образом через литературу и определяется интернациональной культурной лексикой, созданной в европейских языках. В 4-х Одесских дамаскинах находим слово *майстор*. Проникая через греческий язык в народный болгарский язык, эта лексема распространяется в народной речи того времени, откуда попадает в язык дамаскинов, а позже утверждается в литературном словаре. В некоторых случаях, когда речь идет о латинских заимствованиях трудно определить язык-посредник, так как они встречаются и в других балканских языках, но большая их часть проникает в болгарский через греческий (Радева 2017: 281).

Представляет интерес слово *дукато/дукати* (итал. *ducato* от лат. *ducatus* ‘герцогство’) – ‘золотая или серебряная монета’. Начинает чеканиться в Венеции после 1284 г. и широко используется для торговых платежей по всей Европе до начала 19 в.

Находим эту лексему только в дамаскине № 36–62 XVII в.: *тѣа дѣто съдѣтъ криво за дукати*. В более поздних дамаскинах находим заимствования *грош*, *аспра*, а также домашнюю лексему *жълтици*. Сегодня слово *дукато* встречается в болгарских диалектах со значением ‘жълтица’ – Смолянско; ‘дребна монета, дукатца’ – Котел (БЕР 1: 444).

ГЕБРАИЗМЫ. Еще в староболгарский период небольшое количество старосемитских слов (гебраизмов) проникает в болгарский язык. Их проникновение осуществляется через посредство греческого языка и в основном связано с религиозной тематикой. В Одесских дамаскинах находим: *сѣвкота*, *Пасха*, *пасхалия* (таблица). При посредничестве греческого языка заимствованы и личные имена, связанные с религиозным календарем и Библией, в Одесских дамаскинах присутствуют *Иван*, *Марко*, *Лазар*, *Мария*, *Серафим*.

ПРИПИСКИ И ЗАПИСИ В ОДЕССКИХ ДАМАСКИНАХ

В болгарской историко-литературной и археографической теории и практике термин *приписка* утвердился к середине прошлого столетия. Этот термин использует один из первых болгарских археографов К. Петкович. Как показывают этимология и семантика самого слова, *приписка* (из староболгарского глагола *пѣсати*, *писати*, *приписати* = *adscribere* (Младенов 1941: 425) является добавочной, дополнительной записью, которая стоит вне основного текста книги. У И. Срезневского в русском памятнике конца XIV в. зарегистрирована форма *припискъкъ*, означающая ‘*добавление, приписка, добавочная статья*’ (Срезневский 1895: 1444). Приписки в болгарской рукописной традиции являются ценным источником для датировки, истории и существования конкретных письменных памятников, а также для болгарской лингвистической и культурной истории. Язык записей не чужд языку народному, особенно это видно в дамаскинах, написанных на новоболгарском языке.

Приписки оставлены разными людьми (авторами, переводчиками, переписчиками, покупателями, церковными настоятелями, владельцами книг) и разнообразны по содержанию. С точки зрения того, кем и когда были сделаны соответствующие внетекстовые записи, они делятся на два основных типа:

1) первичные приписки, или записи автора (скриптора) рукописи, которые могут быть *основными* (колофоны) и *сопроводительными*;

2) вторичные приписки, т. е. добавленные другими лицами (Райков 1992: 39).

В диссертации рассмотрены все записи, найденные в четырех Одесских дамаскинах. Особый интерес для исследования представляют, прежде всего, записи писцов и переписчиков. Большая часть внетекстовых записей публикуется в диссертационной работе впервые. В определенном смысле эти записи являются индикатором общей тенденции к демократизации ранневозрожденческой литературы.

Благодаря обнаруженным в Одесских дамаскинах записям, добавлены новые имена неизвестных ранее писателей-дамаскинарей:

Переписчик, работавший над Одесским дамаскином № 37 (63): *да са знай тази книга чи е писа Илия Марку по^{ма} Стефануфъ Илия* (л. 244б).

Писатель, работавший над Одесским дамаскином № 39 (65): *да са знаи како се потруди за сѣю книгу глѣми дамаскинъ попъ Иванъ синъ Петрофъ* (л. 123а).

Записи являются важным и ценным источником для болгарской языковой и культурной истории. Не случайно немецкий ученый Гардхаузен справедливо констатирует, что «эти записи (авт. заметки), оставленные самим писателем, копиистом, переписчиком книги или другими владельцами, читателями и пользователями книги, являются носителями разнообразной исторической информации, которая часто даже более значительна, чем та, которая предлагает содержание самой книги (Gardthausen 1913: 424).

Приписка, найденная в Одесском дамаскине № 38-64, весьма красноречиво подтверждает факт ценности одной такой записи: *писахъ азъ григоръ попъ илѣвичъ ѿ Свѣщѣвъ града махала же Ч(Т)УКЯ: лѣтъ 1789: марта* (л. 209а).

Для исследования представляет интерес название *махалы* (рус. квартала). В целом подобные названия представляют интерес, поскольку являются типичной ономастической проблемой городской инфраструктуры османского периода. В записи, найденной в Одесском дамаске № 38-64, приводятся сведения о махале *Чука* в г.

Свиштов, существовавшей, очевидно, в 1789 г. Целью является выяснить, существует ли еще махала Чука в современном г. Свиштов, или как она называется сегодня.

Обзор краеведческих и научных исследований, за которые я благодарна коллегам из Исторического музея г. Свиштов, переносит нас в квартал *Калето*. Именно из этого квартала разросся город Свиштов, а нынешнее название *махалы Чука* – квартал *Калето*, в котором находится церковь «Св. Дмитрия». Именно в этом храме в 1845 г. В. И. Григорович нашел Одесский дамаскин № 38-64.

Подтверждение этому получаем из «Очерка» Григоровича: ученый посетил в городе Свиштов две болгарские школы и четыре церкви: «Св. Дмитрий», «Св. Петр», «Преображения» и «Пророка Ильи» (Григорович 1848: 176-177). Произошло это в 1845 г., в приписках попа Григория зафиксирован 1789 год. Но, как известно, 14 сентября 1810 года, г. Свиштов был сожжен дотла. Во всем городе уцелели только две церкви, потому что они были каменными – это церковь «Св. Петра» в нижней махале и церковь «Св. Дмитрия» в махале Чука. Соответственно, в одной из этих церквей мог бы уцелеть Одесский дамаскин № 38-64, но только одна из них находится в верхнем махале Чука, и это церковь «Св. Дмитрия».

Таким образом, благодаря одной приписке, знанию некоторых исторических событий и фактологических сопоставлений Одесский дамаскин № 38-64 был убедительно локализован к храму «Св. Дмитрия» г. Свиштов. Этот пример подтверждает факт ценности приписки, дающей важные сведения о малоизученном дамаскине XVIII в., а также обогащает знания о церковной истории того периода.

Вторая подгруппа основных записей – это т. н. *сопроводительные приписки*, внетекстовые записи, оставленные писцами книги в процессе ее создания или после ее завершения. Они носят разнообразный характер, раскрывают разные обстоятельства, сопровождавшие создание рукописи, либо непосредственно связаны с текстом в виде комментариев (схолии) или лексических пояснений (гlossы). Место сопроводительных приписок в рукописях строго не зафиксировано: часто они пишутся на полях, свободных листах или внутри текста (маргиналии). Glossы также известны под термином *marginalia*, от латинского «край, полоса, граница» (БЕР 5: 728). Как и колофоны, они зачастую графически отличаются от основного текста рукописи.

С лингвистической точки зрения представляют интерес именно эти глоссы. Как известно, глоссирование в целом в староболгарской литературе является интересным фактом и заслуживает внимания, а в дамаскинской литературе, прежде всего, дает ценные сведения о диалектных особенностях определенного региона, в котором рукопись была создана. Особенно много глоссов, расположенных на полях рукописи, находим в сборнике № 39 (65) (вторая половина XVIII в.). В этом сборнике переписчик делает попытку включить исконную болгарскую лексику, включая параллельно лексику, засвидетельствованную в более старых письменных источниках. Иногда использует пары заимствованных слов (греческого и турецкого происхождения), а также синонимичные пары домашнего происхождения. Можно предположить, что в этот период уже имеет место целенаправленная деятельность дамаскинарей, направленная на то, чтобы сделать тексты понятными для читателей и слушателей. Приписки в Одесском сборнике распределены равномерно. Это может говорить об обдуманном и последовательном подходе. Переписчик делает редакции не в самом тексте, а наносит свои пояснения на полях рукописи.

С помощью этих глоссов переписчик объясняет незнакомые слова и названия на полях, дополняет текст новой информацией, дает свои интерпретации. Эти записи имеют задачу облегчить понимание текста читателем или обогатить его знания. По тому, как они выражены и какие данные содержат, глоссы дают представление о культуре болгарских переводчиков и переписчиков того периода. В нижеприведенных примерах можно увидеть, как писец вводил новую лексику в Одесский дамаскин. Это глоссирование показывает пути, по которым лексические единицы попадают в письменный памятник.

Комментированные глоссы в Одесском дамаскине с учетом их функции можно разделить на следующие группы:

- примеры синонимов, которыми не достигается стилистический эффект, т.е. и уточняемое, и уточняющее слово принадлежат к одному стилистическому пласту: *ходи—врѣви; казах—рекох; хубавы думы—добри; да нахрани“—насити“;*

- примеры пояснения более архаичного слова словом из разговорного языка, в том числе уточнения исконного домашнего слова турцизмом: влѹд'ство—ку^ва^сто; жер'тъвны—кѹ^ван; то^тѹва—ро^жд^нотѹ; черк'вица—капица; жезлъ—тогаг(а);
- пример старого книжного заимствования, замененного домашней, включительно и протоболгарской лексемой: философите—влъсви;
- примеры того, что при глоссировании не избегаются сложные слова. Композиты продолжают оставаться частью КЯНО: довроленъ—блѣ^то^тро^венъ; ѳзич'никѹ—дрѹгов'крнолѹ;
- примеры, когда при глоссировании вводится ярко окрашенная диалектная лексика: на очивѣсните—таве; очивѣсно—чи^то; очивѣсно—тавленно;
- примеры глоссирования турцизмов и введения их домашних эквивалентов: каразь—вражда; дѹ^мман'ство—вра^жда; рѹшет—мъ^жда.

Пояснение слов в этом конкретном дамаскине, конечно, не является изолированным явлением. Оно используется дамаскинарями и другими переписчиками из разных уголков болгарской языковой земли и является этапом работы по созданию книжного болгарского языка в XIX веке (Митринов 2020: 161).

Содержательные особенности приписок делают их чрезвычайно ценным источником для нашей культурной, литературной, лингвистической и церковной истории и важным источником для понимания менталитета и образа жизни болгар (Райков 1992: 44). Не меньшее значение имеют записи для истории болгарского языка, правописания и письма. В силу своего нетекстового, неканонического характера они часто бывают написаны более свободным, разговорным языком, иногда с диалектной окраской, что чрезвычайно повышает их лингвоисторическую ценность, так как это дает доступ к новым формам и народной лексике (Мирчев 1958).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБОБЩЕНИЕ

В заключение обобщаются результаты исследования и систематизируются данные, касающиеся новоболгарских Одесских дамаскинов. Основная цель настоящей диссертационной работы, определенная во введении, это анализ и систематизация наиболее важных особенностей Одесских дамаскинов с разных точек зрения – исторической, лингвистической, художественной. Это позволило обозначить место рукописей в болгарской литературной и книжно-языковой традиции. Описание Одесских дамасков и введение их в научный оборот добавило новые данные о ранее малоизвестных науке новоболгарских письменных памятниках XVII и XVIII вв., что значительно расширило знания о дамаскинской литературе. Представленное исследование актуально на фоне возросшего в последние десятилетия интереса к возвращению болгарского историко-культурного наследия, частью которого являются Одесские рукописные памятники.

Настоящая работа представляет первое комплексное исследование, посвященное описанию дамаскинских сборников XVII, XVIII вв. Отсутствие исследований по этой теме делает необходимым изучение Одесских дамаскинов во всей их полноте. Также, учитывая объем материала, ставит ключевые вопросы, которые могут стать предметом других междисциплинарных исследований. Основное внимание в разработке уделено кодикологическим, палеографическим и лексическим особенностям Одесских дамаскинов. Объект, цели и задачи диссертации определили сочетание филологического анализа с литературоведческим и отчасти искусствоведческим. По методологической и теоретической основе диссертационное исследование является историко-филологическим исследованием с упором на палеографические и кодикологические исследования.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ были проанализированы важные теоретические положения, связанные с феноменом дамаскины как нового литературного жанра в болгарской литературе. Сделан обзор публикаций болгарских и зарубежных авторов, что позволило максимально очертить дискуссионные проблемы в области новоболгарских дамаскинов, а также исторические предпосылки их появления.

Сделан обзор ключевых аспектов в изучении болгарских дамаскинов XVII – XVIII вв., обозначены основные вопросы, связанные с периодизацией новоболгарского литературного языка и началом современного болгарского литературного языка. Изучены предшествующие классификации дамаскинов, сделана попытка определить место Одесских дамаскинов в этих классификациях.

ВТОРАЯ ГЛАВА посвящена ученому-слависту профессору В. И. Григоровичу, основной акцент сделан на его научных интересах, вкладе в области славяноведения, болгарознания и сохранение болгарского культурного наследия. Включена информация о профессиональном и жизненном пути ученого, который связывает его с ведущими славистами России и Европы. Обращено внимание на контакты с болгарскими возрожденцами, такими как Г.С. Раковский, М. Дринов, Хр. Ботев. Надеюсь, что в этом исследовании удалось собрать в одном месте множество биографических подробностей и фактов из жизни ученого. Отведено место Путепису В. И. Григоровича по Болгарским землям, который является результатом научной командировки слависта в 1844-1845 г. Не являясь главным акцентом, подчеркнута значение и научный вклад книги „**Очеркъ путешествія по Европейской Турці**“, а также актуальные проблемы болгаристики и славистики, затронутые в Очерке.

Научный вклад диссертационной работы отражен в **ГЛАВЕ III и IV** исследования. В процессе работы для сопоставительных и сравнительных исследований было использовано более 15 базовых рукописей. Для достижения основной цели диссертации, а также комплекса целей, составляющих ее, было поставлено несколько взаимосвязанных задач. В связи с поставленными в исследовании задачами, ожидаемыми результатами и рабочими гипотезами в конце исследовательского пути был сделан ряд выводов, обобщенных по нескольким направлениям:

- На основании палеографических и кодикологических констатаций в третьей главе диссертации установлено, что Одесские дамаскины созданы в различных книжных школах, написаны на разных диалектах и разными авторами. Время их создания находится в широких хронологических рамках – с конца XVII века до конца XVIII века. Объектом анализа являются 4-е дамаскинских сборника из разных художественных школ.

- На основе комплексных данных и пересечения разнотипных палеографических и кодикологических анализов, сопоставлений с датированными и атрибутированными рукописями передатированы и локализованы два Одесских сборника, что подтверждает ранее высказанные гипотезы, сделанные на основе языка (Петканова 1963; Демина 1985), а именно:
 - ❖ Одесский дамаскин № 36 (62), новоболгарский памятник конца XVII в. (1680–1690), созданный в **Карловско-аджарской художественной школе**, написан двумя анонимными писцами на восточноболгарском наречии.
 - ❖ Одесский дамаскин №37 (63), новоболгарский памятник, созданный в середине XVIII в. в **Котленской книжной школе**, написан на восточноболгарском диалекте. Памятник подтверждает непрерывную духовную и культурную связь болгарских книжных центров с монастырями Святой Горы Афон.

О двух других сборниках подтверждены исходные данные:

- ❖ Одесский дамаскин № 38 (64), сборник, созданный в 1756 г. Йосифом Брадати и переписанный в 1757 г. в Рильском монастыре, написанный на западноболгарском наречии.
 - ❖ Одесский дамаскин № 39 (65), новоболгарский дамаскин XVIII века, написанный на восточноболгарском наречии, содержит 19 слов, 7 из которых Дамаскина Студита.
- Сохранившиеся памятники свидетельствуют о том, что процесс переписывания происходил преимущественно в литературных центрах вблизи процветающих экономически горных сел и в периферии соответствующих митрополичьих и епископских центров, особенно на границе Софийской и Тырновской епархий. География и хронология деятельности центров намечают тенденцию к постепенному смещению литературной деятельности с запада на восток в болгарских землях. Создание книг в Аджарском центре, который, по сохранившимся данным, является наиболее продуктивным в XVII в., связано с установлением «каллиграфско-кукленской» традицией и распространением

новоболгарских дамаскинов. Особое место в истории литературы XVIII века занимает Рильский монастырь и известные дамаскинари как Йосиф Брадати и Никифор Рильский. Котленская книжная школа, которая является свидетельством сильных литературных связей с Зографским монастырем и миграцией переписчиков XVIII в., также способствовала расширению репертуара новоболгарских дамаскинских текстов.

- Основной вывод в исследовании исходного материала можно резюмировать так: представленные данные доказывают, что **в 4-х Одесских дамаскинах засвидетельствован живой болгарский язык с конца XVII в. до конца XVIII в., обогащенный книжной лексикой разных эпох.** Язык новоболгарских дамаскинов показывает, как сочетаются несколько культурных парадигм – дохристианская (протоболгарская и славянская), христианская и довозрожденская.
- В то время как исторические факты иногда могут трактоваться более произвольно, собственно лингвистические факты представляют собой конкретный материал, достоверность которого можно принять за важный фактор. Поскольку в период создания Одесских дамаскинов еще не существовало устоявшейся общebolгарской литературной нормы, местные переписчики книг и рукописей обычно писали на родном языке, включая литературные элементы, характерные для традиционной литературы. Это дает возможность с большой точностью определить, из какой болгарской языковой территории происходил писец, создавший рукопись, или, точнее, особенности каких болгарских территориальных языков (диалектов) легли в основу языка определенного письменного памятника.
- Исследования показали, что Одесские дамаскины отвечают требованиям эпохи к созданию понятных произведений. Творческая энергия болгарских писателей, их переводческая и кропотливая компиляционная работа увенчалась созданием текстов, доступных для широкой аудитории, представленных на новом книжном языке. Одесские дамаскины имеют два основных типа языковых влияний, которые лежат в основе двух разных

концептуальных моделей сочетания **свое (домашняя лексика) и чужое (заимствования)**. С одной стороны в текстах, выделяется влияние православной традиции, которая ассимилировалась через староболгарскую книжную норму и традиционную литературу XIV – XVI вв., с другой стороны, через нее воспроизводится фундаментальная **терминологическая лексика христианства из греческого, латинского, древнесемитского (гебраизмы)**.

- Проанализированные данные и сделанные выводы можно систематизировать по нескольким кругам проблематики новоболгарских дамаскинов. Сделанные выводы показывают, что с конца XVII века, второй половины XVIII в. и до конца XVIII в. дамаскинская литература подвергалась множественным языковым влияниям, но к ним явно добавлялось влияние турецкого языка как доминирующего в границах Османской империи на Балканах. Слова греческого происхождения представляют собой количественно меньшую группу по сравнению с турецкой лексикой. Однако если турецкие слова целиком связаны с живой речевой практикой того времени, то значительная часть греческих заимствований проникает через книги. Преимущественно они называют понятия из религиозной и духовной сферы.
- Одесские дамаскины в значительной мере представляют языковые особенности периода, но наряду с этим в XVIII в. появляются новые явления в языковом развитии, которые в некоторой степени изменили внешний облик и содержание сборников этого периода. До сих пор в научной литературе дамаскинам XVIII в. не было уделено достаточно внимания, а, как известно, именно тогда сборники становятся более разнообразными по содержанию. Сравнив и сопоставив извлеченный материал из Одесских дамаскинов с языковыми единицами „Речника на книжовния български език на народна основа от XVII в.“, было сделано несколько выводов: большинство лексических единиц, встречающихся в Одесских дамаскинах, присутствуют в РКЕНО, однако имеется ряд лексем, незафиксированных в нем. Это значит, что **в XVIII веке в книжные тексты входит все больше лексики из народного языка, например: рекаре, пизма, буряне, врагоцини и т.п.**

- Анализ языкового материала в Одесских сборниках также подтверждает тот факт, что турецкие заимствования проникали в новоболгарские дамаскины постепенно и относительно поздно, а впоследствии их количество многократно увеличивается. Анализ показывает, что в Одесском дамаскине № 36–62 конца XVII в. объем и частотность турцизмов значительно меньше, чем в других сборниках. Наибольшее количество турецких заимствований находим в Одесском дамаскине № 39–65, рукописи середины XVIII века.
- Лексические заимствования из османского турецкого языка из 4-х Одесских рукописей, сгруппированные в различные категории, были рассмотрены и оценены как одновременно, так и в сопоставительном плане. Таким образом, на первый план вышли различия между ними, обозначив различный подход писцов. В итоге мы пришли к аргументированному выводу, что наличие тех или иных языковых единиц является отражением не только разговорного языка, на котором написана данная рукопись, но и зависит от личности автора, от его опыта, образования, мировоззрения.

В своих наблюдениях приходим к выводу, что на язык памятников определенно влияет **творческое начало и личность самого дамаскинаря**, этому фактору ранее не было уделено должного внимания. Решающим фактором является не только принадлежность текстов к определенному центру или диалекту, а зачастую тематика описываемых событий, а в ряде случаев и личность составителя сборника. Это новое направление в лингвистических исследованиях новоболгарских дамаскинов. В будущих исследованиях Одесских дамаскинов наряду с другими лексическими признаками обязательно следует брать во внимание и этот фактор.

- Во второй части главы IV диссертации впервые **собраны, представлены и описаны все приписки и глоссы** переписчиков XVII, XVIII вв., работавших над созданием 4-х Одесских новоболгарских дамаскинов. Эти наблюдения подтверждают литературное и историческое значение внетекстовых записей в болгарской рукописной традиции, поскольку являются ценным источником для датировки и существования конкретных письменных памятников, а также для болгарской лингвистической и культурной истории.

- Представленный в диссертации лингвистический материал из Одесских дамаскинов разнообразен и объемен, поэтому **полная и всесторонняя лексическая характеристика этих рукописных памятников – предмет будущих исследований.** Она обогатит историю болгарского языка дополнительными сведениями, даст новые сведения о происхождении и составе дамаскинской лексики XVIII в., ее диалектном делении, хронологии различных языковых явлений.

Настоящее исследование добавило новые данные, которые подтверждают и дополняют прежние наблюдения ученых, связанные с феноменом дамаскинской литературы. В ходе исследования была доказана новоболгарская языковая основа Одесских сборников, что включает их в объем понятия КЯНО. Это дает еще одно основание разграничить литературу болгарских дамаскинарей XVII и XVIII веков от литературы предыдущего периода и обозначать ее как болгарскую литературу на новоболгарском языке. Одесские новоболгарские дамаскины во многом отражают и представляют этапы и характеризуют структурные изменения от староболгарского к новоболгарскому языку, тем самым подтверждая мнение о том, что язык дамаскинов представляет собой качественный скачок в истории развития болгарского литературного языка, а дамаскинами положено начало предыстории современного болгарского литературного языка.

В результате проведенного исследования раскрывается детальная картина деятельности книжных центров в XVIII в. Описание и репрезентация Одесских дамаскинов, а также введение их в научный оборот является актуальным для расширения знаний о дамаскинской литературе, а сделанные выводы могут стать основой для других сравнительных анализов и научных выводов. Надеюсь, что этим исследованием удалось отчасти ответить на вопрос, поставленный первыми исследователями новоболгарских дамаскинов, который актуален и сегодня: в какой степени и в каких направлениях проявляется влияние дамаскинской литературы в историческом развитии болгарского языка.

Полагаю, что результаты исследования в данной диссертации, сочетающие лингвистический и историко-культурологический подход с акцентом на культурные

аспекты эпохи создания болгарской дамаскинской литературы, помогли расширить знания в этой области.

Исследование проводилось с ясным убеждением, что предлагая новые детали о книжной жизни болгар XVII, XVIII в., тем самым предоставляется больше информации о времени, в котором зародилось Болгарское национальное сознание. Кроме того, в диссертационном труде более четко были показаны очертания тех литературных процессов, которые способствовали переходу от средневековой литературы и средневекового мировоззрения к болгарскому Возрождению.

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЦИТИРОВАННАЯ В АВТОРЕФЕРАТЕ

СЛОВАРИ:

- БЕР 1977-:** Български етимологичен речник. Т. 1 (1971), т. 2 (1979), т. 3 (1986), т. 4 (1995), т. 5 (1996), София: Издателство на БАН.
- Геров:** Геров, Н. Речник на българския език. Т. 1–5. София: Народна просвета, 1975–1978.
- РБЕ 1977-:** Речник на българския език. София: Институт за български език.
<https://ibl.bas.bg/rbe/>
- РКЕНО:** Речник на книжовния български език на народна основа от XVII в. (върху материал на Тихонравовия дамаскин), гл. ред. Е. И. Дьомина, София, 2012.
- РМикл.:** Miklosich, Fr. Lexicón palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- РСрез.:** Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1903.
- СС:** Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994.
- СтБР:** Старобългарски речник. Отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. I.–Т. 2. София, 1999, 2009.

* * * * *

- Ангелов 1963:** Ангелов, Б. Съвременници на Паисий, Кн. I, София, 1963.
- Ангелов 1976:** Ангелов, Б. Старобългарски книжовни средища. Аджар (Свежен), Карловско. Книжовната дейност на Аврам йерей Димитриеви́ч. – Известия на НБКМ, 14 (20). София, 37–51.
- Ангушева, Димитрова 2003:** Ангушева, А., М. Димитрова. Другите авторитети: Слова против магьосници и баячки в дамаскинарската традиция – В: Годишник на Софийския университет, ЦСВП «Иван Дуйчев», т. 92 (11), 2002, 81–99.
- Ангушева-Тиханова, Димитрова 2013:** Ангушева-Тиханова, А., М. Димитрова. Самоков и борбата на Църквата срещу баенето и гадаенето. Етнология на общуването. Годишник на Асоциация „Онгъл“. Т. 12, год. VIII. С., 2013, 120–134.
- Андрейчин и др. 1977:** Андрейчин, Л., К. Попов, Стоянов Ст. Граматика на българския език, София, 1977.
- Аргиров 1895:** Аргиров, Ст. Люблянският български ръкопис от XVII век. – СБНУ, кн. XI, 1895.

- Брага 2021а:** Брага, Т. Малко познат дамаскин от Карловско-Аджарската художествена школа (Одески дамаскин № 36 (62). Палеография, Кодикология, Датировка. – В: Български език, кн. 4, 2021, 60–77.
- Брага 2021б:** Брага, Т. Български писмени паметници в обсега на научните интереси на В. И. Григорович и Г. С. Раковски – Одеския период. Е-списание „Анамнеза“, Част 1, год. XVI, кн. 5, 2021, 21–28.
- Брага 2005:** Брага, Т. За някои палеографични особености при Григоровичевите дамаскини. – В: Българистични проучвания, том 10. Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Фабер, 2005, 78–90.
- Брага 2003:** Брага, Т. Деякі палеографічні особливості рукопису № 38/64 зі збірки В. І. Григоровича. – В: Проблеми сучасного літературознавства, Збірник наукових праць, Випуск 12, Одеса: Маяк, 2003, 250–255.
- Берщейн 1957:** Берщейн, С. Б. К изучению редакций болгарских списков „Сокровища“ Дамаскина Студита. – В.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. Ред. Вл. Георгиев. София: БАН, 1957.
- Берщейн 1973:** Берщейн, С. Б. Мисли за началния период от историята на българския литературен език. Симпозиум по граматической теологии современных балканских языков. Москва, 1973.
- Бояджиев 2011:** Бояджиев, Т. Българска лексикология. София, 2011.
- Велков, Андреев 2005:** Велков, А. Ст. Андреев. Водни знаци в османотурските документи. Ч. I. Три луни. София.
- Велчева 1961:** Велчева, Б. Към установяването на взаимоотношения и диалектната основа на новобългарските дамаскини, Български език, 1961, № 5 – 6, 402–417.
- Гергова 2004:** Гергова, А. Българска книга. Енциклопедия. София, Пенсофт.
- Гранберг 2005:** Гранберг, А. Езиковият строй на прабългарския език според данните от анализа на прабългарските заемки в него (фонетика, вокална система). – В: Славистични изследвания. Сборник, посветен на международен конгрес на славистите, 7, София, 2005, 29–40.
- Григорович 1848:** Григорович, В. И. Очеркъ ученаго путешествия по Европейской Турціи (съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ). Казань, типография императорского Казанского университетата, 1848.
- Григорович 1880:** Григорович, В.И. Обзоръ славянскихъ литературъ. Лекции В. Ив. Григоровича, читанные им студентам IV курса Новороссийского университета в 1868/9 акад. году; записал А. Смирнов. Воронежъ, 1880.
- Гълъбов 1980:** Гълъбов, Ив. Старобългарски език с увод в славянското езикознание, Ч. 1. Увод и фонетика, София, 1980.

- Делева 2000:** Делева, А. Прабългари и прабългарски заемки (върху материал от старобългарските писмени паметници). – В: Acta Palaeoslavica. 2000, 1, 109–115.
- Делева 2008:** Делева, А. (Гранберг). Класификация на хуно-българските думи, заети в славянски. – В: Четиринадесети международен конгрес на славистите. Охрид, 10-16 септември 2008 г.
- Димитрова 2009:** Димитрова, М. Книжнина през XVII в. Книжовници и средища. Дамаскинарска литература. – В: История на българската средновековна литература. Състав. А. Милтенова. София: Изток-Запад, 2008 (2 изд. 2009), 727–740.
- Дёмина 1968, 1971, 1985:** Дёмина, Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII века. Т. 1–3. София, Издателство на БАН.
- Дёмина 1969:** Дёмина, Е. И. „Начало“ современного болгарского литературного языка, Вопросы языкознания, 1969, № 6, 83–93.
- Дёмина 1973:** Дёмина, Е. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVIII в. на народной основе. В: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Варшава, Польша, август 1973 г.: доклады советской делегации. Москва, 1973, 118–141.
- Дёмина 1976:** Дёмина, Е. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков. Балканские исследования, 2. Проблемы истории и культуры, 1976, 284–291.
- Дёмина 1983:** Дёмина, Е. Основные проблемы истории болгарского литературного языка в эпоху Предвозрождения. Първи международен конгрес по българистика. Исторически развой на българския език. София, 1983, Т. 1, 225–239.
- Джурова 1980:** Джурова, А. Калиграфски материали и инструменти. – Изкуство, № 3; 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1980.
- Добрева 2008:** Добрева, А. Иранизми в българския език. София: Акад. на МВР, 2008.
- Иванова-Мирчева 1987:** Иванова-Мирчева, Д. Въпроси на българския книжовен език до Възраждането, София, 1987.
- Иванова-Мирчева 1988:** Иванова-Мирчева, Д. Характерни особености на лексиката на старобългарските паметници. Славянска филология, Т. 19. София, 1988, 29–35;
- Иванова-Мирчева 1989:** Иванова-Мирчева, Д. Лексиката на класическите старобългарски паметници – източник за определяне етническата принадлежност на Кирило-Методиевия език. Международен конгрес по българистика. 2. Доклади. Т. 21. София, 1989, 5–12.
- Иванова-Мирчева 1999:** Иванова-Мирчева, Д., Ив. Харалампиев, История на българския език. Велико Търново, 1999.

- История 1989:** История на новобългарския книжовен език. София, БАН, 1989.
- Караджова 1994:** Караджова, Д. Котленският книжовен център през XVIII в. П., 1994.
- Куев 1983:** Куев, К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете, 2-ро преработено и допълнено издание. София.
- Лавров 1899:** Лавров, П. А. Дамаскин Студит и сборници его имени „дамаскини“ в югославянской письменности. Т. VII. Одеса, 1899, 15-53.
- Лавров 1904:** Лавров, П. А. Югославянская палеография. Курс, читанный в СанктПетербургском Археологическом Институте в 1903-1904 г.
- Ламанский 1869:** Ламанский, В. И. Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI-XVII вв., ЖМНП, Венеция, 1869, Ч. 143, 349-378; Ч. 144, 84-123.
- Милетич 1908:** Милетич, Л. Копривщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. – Български старини, кн. II. София, 1908.
- Милетич 1923:** Милетич Л. Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. – Български старини, кн. VII. София, 1923.
- Милтенова 1980:** Милтенова, А. Към характеристиката на българската литература през XV-XVII в. (сборници със смесено съдържание), дисертация, машинопис.
- Милтенова 1986:** Милтенова, А. Към въпроса за сборниците със смесено съдържание в българската книжнина от XV-XVII в. – В: Литература, общество, идеи, С., 1986, 66-70.
- Мирчев 1952:** Мирчев, К. За съдбата на турцизмите в българския език. – Известия на ИБЕ, 1952, 2, 117-127.
- Мирчев 1958:** Мирчев, К. Историческа граматика на българския език, София, 1958.
- Мирчев 1975:** Мирчев, К. Правописната система през Възраждането. Литературна мисъл, № 6, 73-79.
- Мирчева 1997:** Мирчева, Е. Проблеми на установяването на книжноезиковата норма в новобългарските дамаскини от XVII в. – *Paleobulgarica*, 1997, № 3, 96-113.
- Мирчева 2001:** Мирчева, Е. Не-дамаскинови слова в новобългарските дамаскини от XVII век. Велико Търново, Фабер, 2001.
- Мирчева 2014:** Мирчева, Е. Библейските текстове в българските дамаскини – начин на употреба. – Известия на Института за български език, кн. XXVII. София, Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2014, 34-53.
- Митринов 2005:** Митринов, Г. Родопско книжовно наследство. Райковски дамаскин (ново пълно издание на текстовете в същинската част на сборника). София, 2005.

- Митринов 2020:** Митринов, Г. Пояснените думи в среднородопските възрожденски писмени паметници с гръцко писмо. – Известия на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин”, Кн. 33, 2020, 131–165.
- Мичева 2013:** Мичева, В. Паратактични отношения в историята на българския книжовен език. София: Диомира, 2013.
- Мичева 2015:** Мичева, В. Картината на света в новобългарските дамаскини. София: ДиоМира, 2015.
- Мичева 2016:** Мичева, В. Диалектно и книжовно в езика на новобългарските дамаскини. Юбилеен сборник. София, 59–63.
- Мичева 2017:** Мичева, В. Турцизми в езика на новобългарските дамаскини. Известия на института за български език „Проф. Л. Андрейчин“, 2017, кн. XXX, 74–108.
- Младенов 1926:** Младенов, С. Забележки върху етимологията на някои турски и гръцки думи в един дамаскин. Годишник на СУ, Филол. факул., 1926. XXII, 1– 52.
- Младенов 1941:** Младенов, Ст. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Младенова, Велчева, 2013:** Младенова, О., Б. Велчева. Ловешки дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. София: НБКМ.
- Момчилов 1865:** Момчилов, Ив. Сборник от образци за изучаването на старобългарския език по сичкото му развитие. Виена, 1865.
- Мочульский 1890:** Мочульский, В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича. Сост. прив.-доц. Императорского Новороссийского университета В. Н. Мочульский, Одесса: типография Штаба Одесск. воен. окр., 1890, 100–118.
- Пантев, Гаврилов 1999:** Пантев, А., Гаврилов, Б. Стоте най-влиятелни чужденци в българската история. София, 1999.
- Петканова-Тотева 1963:** Петканова-Тотева Д. Библиография на дамаскините у нас и в чужбина. В: Известия на Народната библиотека и библиотеката на Софийския държавен университет, Т. III (IX), София, 1963, 7–79.
- Петканова-Тотева 1965:** Петканова-Тотева, Д. Дамаскините в българската литература. София, Издателство на БАН.
- Петканова-Тотева 1969:** Петканова-Тотева, Д. Из гръцко-българските книжовни отношения през XVII–XVIII в., ГСУ, София, 1969 (за 1968), Т. 2, 51–151.
- Петканова 2001:** Петканова, Д. Българска средновековна литература (4-то разширено издание). Велико Търново.
- Петрун 1927:** Петрун, Ф. Рукописна збирка В. И. Григоровича. Библиографічні замітки: Праця Одеської центральної наукової бібліотеки, Одеса, 1927.

- Радева 2017:** Радева, В. Българска лексикология и лексикография. София, 2017.
- Радославова 2020:** Радославова, Д. Българската книжнина от XVII век: центрове, книжовници, репертоар. София, 2020.
- Райков 1992:** Райков, Б. Приписките в системата на старата българска книжнина. – *Palaeobulgarica*, 16 (1992), 2, 38–49.
- Романски 1937:** Романски, Ст. Български въпроси в преписката на И. И. Срезневски с В. И. Григорович. – СпБАН. Историко-филологичен и философско-обществен клон, кн. LIV. София, 1937, 159–175.
- Романски 1938:** Романски, Ст. Новъ Софрониевъ: преписъ на паисиевата история отъ 1871 год. Български старини. Придворна печатница, 1938.
- Спростанов 1902:** Спростанов, Е. Опис на ръкописите в библиотеката на Рилския манастир, София, 1902.
- Срезневский 1895:** Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 2. Спб., 1895.
- Стаменов 2011:** Стаменов, М. Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. София: Изток-Запад, 2011.
- Стоянов 1964:** Стоянов, Ст. Граматика на българския книжовен език, София: БАН.
- Тафраджийска 1982:** Тафраджийска, Цв. Ориенталистика и прабългаристика. – В: Проблеми на културата, 1982, бр. 3.
- Тодоров 1965:** Тодоров, Д. По някои въпроси на българския литературен език от XIX в., Български език и литература, 1965, № 4, 22–27.
- Тончева 2008:** Тончева, Хр. Към състава на Аврамовия сборник – ръкописен паметник от 1674 г. от сбирката на Пловдивската библиотечка. Интеркултурният диалог–традиции и перспективи. Международна славистична конференция. Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“. Т. 46, кн. 1, сб. А – Езикознание. Пловдив, 2008, 117–123.
- Тончева-Тодорова 2009:** Тончева-Тодорова, Хр. Календарът в Аврамовия сборник. – В: сп. Старобългарска литература, 2009, кн. 39-40, 220–234.
- Цейтлин 1977:** Цейтлин, Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. Москва, 1977.
- Цибранска 2007:** Цибранска, М. Етюди върху кирилската палеотипия XV – XVIII век. София: Гутенберг, 2007.
- Цибранска-Костова 2012:** Цибранска-Костова, М. Сборникът „Различни потреби“ на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век. София, 2012.
- Цибранска-Костова, Абаджиева 2016:** Цибранска-Костова, М., М. Абаджиева. За

лексиката с чужд произход в католическата литература (литература на българите католици) XVII–XVIII век (по материал на Абагара на Филип Станиславов и сборник № 778 НБКМ на Петър Ковачев Царски). – Известия на Института за български език, кн. XXIX, 2016, 7–47.

Цойнска 1983: Цойнска, Р. Към периодизацията на историята на езика (върху материал от българския и другите славянски езици), Славянска филология, Т. 17, Езикознание, 1983, 135–144.

Цонев 1894: Цонев, Б. Новобългарската писменост преди Паисия. – Български преглед, 1, 1894.

Цонев 1910: Цонев, Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, Т. 1, 1910.

Цонев 1919: Цонев, Б. История на български език, Т. 1, София, 1919.

Цонев 1923: Цонев, Б. Книжовни старини от Елена. Годишник на СУ, Историко-филологически факултет, 1923, кн. XIX, № 7

Цонев 1934–1940: Цонев, Б. История на български език. Т. II–III (Университетска библиотека № 134). София: Придворна печатница, 1934–1940.

Шишков 1911: Шишков, Ст. Новоначерен дамаскин в Бачковския манастирот 18 в.: Родопскина предък, VIII, 8/9, 1911.

Шишманов 1916: Шишманов, Ив. Д. В. И. Григорович и неговото пътешествие в Европейска Турция (1844–1845) и неговите отношения към българите. СББАН, кн. VI. София, 1916, 3–221.

Mošin 1971: Мошин, В. Вл. Тирилски рукописи Повијесног музеја Хрватскеи Копитареве збирке. Београд, 1971.

Jagić 1877: Jagić, V. Opisi i izvodi iz nekoliko juznoslovenskih rukopisa. Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina. – Starini, knj. IX, u Zagrebu.

Gardthausen 1911: Gardthausen, V. Griechische Palaeographie. Leipzig: Veit, 1913.

СОКРАЩЕНИЯ:

НБКМ: Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, София;

ОННБ: Одесска национална научна библиотека, Одеса;

НБОНУ: Научна библиотека Одеского национального университета им. И.И. Мечникова

НБИВ: Народна библиотека „Ив. Вазов“;

НИМ: Национальный исторический музей;

РГБ: Русская государственная библиотека, Россия;

ЦСВП: Център за славяно-византийски проучвания "Проф. Иван Дуйчев"

СПРАВКА О НАУЧНОМ ВКЛАДЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ТРУДА

Представленная диссертационная работа является первым в своем роде комплексным историческим, лингвистическим и культурологическим исследованием **ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ** из собрания В. И. Григоровича.

Научный вклад исследования можно обобщить по нескольким основным направлениям, которые соответствуют организации частей диссертации и могут быть сформулированы следующим образом:

- 1. Впервые исследованы и введены в специализированную научную литературу Одесские дамаскины - 4-е новоболгарских письменных памятника XVII, XVIII вв.**
- 2. Впервые представлено полное палеографическое и кодикологическое описание четырех Одесских дамаскинов, выдержанное в определенной схеме.** С помощью средств научного анализа в настоящем исследовании, которое является первым в своем роде и объеме, восполнен серьёзный пробел в знаниях об Одесских новоболгарских дамаскинах XVII и XVIII вв.
- 3. На основе комплексных данных и пересечения разных видов анализа передатированы и локализованы два из Одесских сборника, что подтверждает высказанные ранее гипотезы, сделанные на базе языковых особенностей памятников, а именно:**
 - ❖ **Одесский дамаскин № 36 (62),** относится к книжной деятельности XVII в. (1680 – 1690 гг.), атрибутирован к **Карловско-аджарской школе** и связан с деятельностью круга учеников писателя Аврама иерея Димитриеви́ча.
 - ❖ **Одесский дамаскин №37 (63),** датирован серединой XVIII в., ведет свое начало из **Котленской книжной школы.** Благодаря этому памятнику еще раз подтверждена непрерывная духовная и культурная связь болгарских литературных центров с монастырями Святой Горы Афон.
- 4. Впервые четко очерчено место Одесских дамаскинов в болгарской литературной и книжно-языковой традиции, а также их роль в историческом развитии болгарского языка, литературы и культуры того периода.**
- 5. Впервые представлена реферативная характеристика лексических особенностей Одесских дамаскинов, которая содержит новый исходный материал для истории болгарского языка, связанный с происхождением и составом лексики.**

6. На основе материала, извлеченного из Одесских дамаскинов сделаны аргументированные выводы относительно того, как, каким образом и в какой мере меняется содержание дамаскинских сборников XVIII в., показаны также **особенности новоболгарского языка и тенденции развития, наметившиеся в XVIII в.**
7. **Впервые в диссертации опубликованы все приписки и записи из Одесских дамаскинах.** Одни из них отсылают нас к личности писца, другие дают ценную новую информацию о коллективном облике переписчика и читателя той эпохи.
8. Особое внимание уделено **фактору авторства** и установлено, что **творческое начало и личность самого писателя-дамаскидаря** находят место в текстах и языке Одесских дамаскинов. Эта проблематика будет разрабатываться в дальнейших исследованиях Одесских дамаскинов наряду с другими лексическими особенностями рукописей.
9. В приложениях к диссертации **впервые опубликованы элементы оформления рукописей, а также ранее не публиковавшиеся фрагменты из Одесских дамаскинов.**

Этим исследованием был сделан небольшой, но важный шаг для возвращения в Болгарию ОДЕССКИХ ДАМАСКИНОВ, которые являются частью бесценного культурно-исторического наследия Болгарии.

ПУБЛИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ТЕМОЙ ДИСЕРТАЦИОННОГО ТРУДА

1. Брага 2022а: Брага, Т. **Профиль женского присутствия в эпоху Средневековья по материалам Женского сборника Йосифа Брадати.** Доклади от Международна юбилейната конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, София: БАН, 2022, 333–339. ISSN 2683-118X (print). ISSN 2683-1198 (online) [Линк](#)
2. Брага 2022б: **Концент життя, буття, (існування) у мові новоболгарських дамаскинів XVIII століття.** – В: *Мова. Свідомість. Концепт.* Збірник наукових праць, відп. ред. О. Г. Хомчак. Мелітополь: МДПУ ім. Богдана Хмельницького, Випуск 12, 2022, 55–61. Академічно університетсько издание. [Линк](#)
3. Брага 2022в: Брага, Т. **Лексические заимствования из османского турецкого языка в новоболгарских памятниках XVII–XVIII в. в. (на материале Одесских дамаскинов).** – В: *Балканско езиковедие*, 2022, кн. 1, 96–111. Импакт ранг 2020: SJR 0.102, Q 4. Индексирано в SCOPUS, ERIN Plus. [Линк](#)
4. Брага 2021а: Брага, Т. **Малко познат дамаскин от Карловско-Аджарската художествена школа (Одески дамаскин № 36 (62) – Палеография, Кодикология, Датировка.** – В: *Български език*, кн. 4, 2021, 60–77, ISSN 0005-4283. Индексирано в ERIN+ (ERIN Plus) [Линк](#)
5. Брага 2021б: Брага, Т. **Български писмени паметници в обсега на научните интереси на В. И. Григорович и Г. С. Раковски – Одеския период.** *Е-писание „Анамнеза“*, Част 1, год. XVI, кн. 5, 2021, 21–28. ISSN 1312-9295 [Линк](#)
6. Брага 2005: Брага, Т. **За някои палеографични особености при Григоровичевите дамаскини.** – В: *Българистични проучвания*, том 10. Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Фабер, 2005, 78–90, ISBN 954-775-488-2. [Линк](#)
7. Брага 2004: Брага, Т. **Приписки и бележки в Одеските дамаскини от сбирката на В. И. Григорович.** *Сборник в чест на проф. д.ф.н. Георги Данчев.* Материали от Международна научна конференция, 13–14 декември 2002 г., Велико Търново, 2004, 240–248, ISBN 954-524-408-9. [Линк](#)
8. Брага 2003а: Брага, Т. **Виктор Иванович Григорович и Одеските дамаскини от сбирката му.** – В: *Българистични проучвания*, том 9. Сборник с доклади от Осма международна научна сесия, Велико Търново, август 2002 г., Фабер, 2003, 138–150, ISBN 954-775-281-2. [Линк](#)

9. **Брага 2003б:** Брага, Т. **Деякі палеографічні особливості рукопису № 38/64 зі збірки В. І. Григоровича.** – В: *Проблеми сучасного літературознавства, Збірник наукових праць*, Випуск 12, Одеса: Маяк, 2003, 250–255, ISBN 966-587-955-6. Академично университетско издание. [Линк](#)

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ (ВНЕ ТЕМЫ ДИСЕРТАЦИОННОГО ТРУДА)

1. **Брага 2001:** Брага, Т. За някои особености при прилагателните имена в Тихонравовия дамаскин. – *Българистични проучвания*, том 7. Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Шеста международна научна сесия Велико Търново, 2000, 107–117.
2. **Брага 2002:** Брага, Т. Сложните форми на прилагателните имена в Тихонравовия дамаскин. *Българистични проучвания*, том 8. Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Седма международна научна сесия, Велико Търново, 2001, 119–125.
3. **Брага 2021а:** Брага, Т. Закон судний людем – найдавніший болгарський та словянський законодавчий пам'ятник епохи християнства. Наука та суспільне життя України в епоху глобальних викликів людства у цифрову еру (з нагоди 30-річчя проголошення незалежності України та 25-річчя прийняття Конституції України) : у 2 т.: матеріали Міжнародна науково-практична конф., Т. 1, Гельветика, 2021, 147-150. ISBN:978-966-992-505-3. [Линк](#)
4. **Брага 2021б:** Брага, Т. Право європейського союзу на стыке міжнародного права и національного права государств-членов ЕС. Юриспруденція сьогодні: між апологією і креативністю. Пам'яті професора Ю. М. Оборотова : (до 75-річчя від дня народження доктора юридичних наук, професора Ю. М. Оборотова): матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., м. Одеса, 17 вересня 2021 р., Фенікс, Нац. ун-т «Одеська юрид. академія», 2021, 78-83. ISBN:978-966-928-724-3. [Линк](#)

УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИЯХ

1. Доклад на тему: **Профіль женского присутствия в эпоху Средневековья по материалам Женского сборника Йосифа Брадати“.** *Международна юбилейната конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*– 15, 16 и 17 май 2022 г., София, България (опубликован).

2. Доклад на тему: **Концент життя, буття, (існування) у мові новоболгарських дамаскинів XVIII століття.** *XI Міжнародна наукова конференція „Концептуальні проблеми функціонування мови в полікультурному просторі“, м. Мелітополь, Україна, 30 март 2022 г. (опублікован).*
3. Доклад на тему: **„Диалог культур Болгария – Украина в репрезентации малоизвестных науке новоболгарских Одесских дамаскинов“.** *VI Міжнародни българистични четения за студенти, докторанти и специализанти, посветени на 30-годиш. на официалните отношения Република България-Украйна, 50-годишнина на Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“, 80-годишнина на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ и 90-годишнината от рождението на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев, г. Мелітопол (Украйна), 26 ноември 2021 г. (в печати).*
4. Доклад на тему: **Дамаскины – самобытный болгарский феномен в славянской литературной и книжно-языковой традиции.** *Научная конференция с международным участием „Славянские языки в системе гуманитарного образования“ (к 50-летию кафедры славянских языков и культур), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 5–6 апреля 2022 г. (в печати).*
5. Доклад на тему: **Български писмени паметници в обсега на научните интереси на В. И. Григорович и Г. С. Раковски – Одеския период.** *Университетски четения, посветени на 200-годиш. от рождението на Георги С. Раковски, 21– 23 април 2021 г. (опублікован).*
6. Доклад на тему: **За някои палеографични особености при Григоровичевите дамаскини.** *Міжнароден семінар по българистика. Актуални проблеми на българистиката и славистиката, август 2005, Велико Търново (опублікован).*
7. Доклад на тему: **Виктор Иванович Григорович и Одеските дамаскини от сбирката му.** *Міжнароден семінар по български език и култура. Актуални проблеми на българистиката и славистиката, август 2002 г. Велико Търново (опублікован).*
8. Доклад на тему: **Приписки и бележки в Одеските дамаскини от сбирката на В. И. Григорович.** *Міжнародна научна конференція в чест на проф. д-рн Георги Данчев, 13–14 декември 2002 г. Велико Търново (опублікован).*

Семинары и курсы, связанные с темой дисертации:

Специализированный семинар по лексике и палеографии

Специализированный семинар по современному болгарскому языку